

Юлия Арниева

СТАЛЬНОЙ ЦВЕТОК
ДОЛИНЫ

Юлия Арниева

Стальной цветок долины

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69434821

SelfPub; 2023

Аннотация

У каждого есть свой предначертанный путь. Я думала, что знаю свой... Очнувшись в прошлом, я не ведала, что мой путь лишь только начинается. Крестьянка, рабыня, наложница... что ещё преподнесёт мне затейница судьба? Четвертая книга цикла "История волшебной долины"

Содержание

Аннотация	4
Пролог	5
Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	20
Глава 4	26
Глава 5	33
Глава 6	40
Глава 7	47
Глава 8	53
Глава 9	60
Глава 10	68
Глава 11	74
Глава 12	81
Глава 13	88
Глава 14	95
Конец ознакомительного фрагмента.	100

Юлия Арниева

Стальной цветок долины

Аннотация

У каждого есть свой предначертанный путь. Я думала, что знаю свой...

Очнувшись в прошлом, я не ведала, что мой путь лишь только начинается. Крестьянка, рабыня, наложница... что ещё преподнесёт мне затейница судьба?

Пролог

– Дурная девка! И что топилась! Здесь и воды-то по колено! – сердито выговаривал шамкающий голос, вытаскивая меня из вонючей воды, – давай плюй её.

– Кхе... не могу, – прохрипела, закашлявшись, изрыгая из себя воду, желчь... – горло раздрает.

– Так, ведомо, нахлебалась, насилу ссадил.

– Голова... болит, – прошептала. Борясь с ужасным головокружением и тошнотой одновременно, я попыталась открыть глаза, но, застонав от боли, прекратила бесполезные попытки.

– Голова, – снова ворчливо бормотал всё тот же шамкающий голос, – сиганула с мостка в воду, дык темечком и приложилась.

– Врача, – снова просипела, хватаясь за чьи-то руки, – авария, автобус упал с обрыва... там люди.

– Не уразумею, что гуторит. Агнешка, ты зови тётку сюда, пускай забирают бедовую, – последнее, что я услышала, прежде чем вновь погрузиться во тьму.

Глава 1

– Отправили за мной проследить, – с усмешкой бросила я, даже не повернув головы в сторону маленькой Агнешки, и продолжила наслаждаться первозданной красотой природы.

У подножия взгорка бежала, перебирая камешками, шумная речушка, огибая небольшие проплешины песка и необъятные валуны, которые неведомо как здесь оказались. Безоблачное летнее небо царапали своими макушками вековые сосны. Прозрачный, пахнувший сладкими травами и свежестью бор забирался на холм, на вершине которого раскинулся величественный дуб, пряча в своей тени двух заблудившихся барашков. Там... где я жила, такое редко увидишь.

– Тётка Бажена запросила присмотреть за тобой, – ответила девочка, устраиваясь рядышком со мной, – сказала, что ты совсем дурная стала, как потопла.

– Хм..., наверное, – ухмыльнулась, посмотрев на малышку лет семи, которая бесстрашно забралась на высокое дерево вслед за мной.

– Дядька Силуан давеча говорил, что замуж тебя отдавать пора, засиделась в девках, вот и балуешь.

– И за кого?

– Неведомо то мне, – равнодушно пожала плечами подруга, – только зря ты топла из-за Любима, говорила тебе – сго-

ворённый он.

– Много ты знаешь, – буркнула, поддерживая роль обиженной девки.

– Слышала, как ходили его родичи к Велене, – упрямо проговорил ребёнок, – а ты всё: люб и свет не мил без него.

– Дура была, чего уж теперь, – согласилась с не по годам рассудительной Агнешкой.

– Идём, а то тётка Бажена ругаться будет, скоро коровы вернутся с выпаса, доить надо и в поле траву не всю выдрали.

– Идём, – вздохнула, в очередной раз мысленно ужасаясь объёму тяжёлой работы этих людей.

До выселок идти было совсем немного, спустившись с взгорка, мы выбрались на вытоптанную тропинку и уже через пять минут вышли к первому дому.

Как всегда, возвращаясь с моего уже не тайного места, где я скрывалась от любопытных глаз, я на мгновение замерла, в очередной раз неверующе посмотрев на деревню. За две недели, что здесь нахожусь, я никак не могла привыкнуть к такому...

Бревенчатые дома – крытые дранкой или соломой. Хозяйственные постройки – жердяные. Овины, сараи, навесы для сена и выпирающие из земли погребца образовывали большие дворы. Забор тоже жердяной, непонятно от чего мог защитить, тем не менее опоясывал этот довольно обширный надел земли.

Правда, не все дворы были такие, имелись здесь и по-

беднее. Небольшая усадьба с одним сараем, в котором хранились и сани, и солома, и прочий сельскохозяйственный инструмент. И скотный двор общий, где содержались всего-то две коровёнки, лошадь (как же без неё), да в загородке с пяток свиней.

Но всё же больших дворов здесь было около трёх десятков, и выселки считались богатой деревней. Из-за каждой ограды злобно лаяли собаки, оповещая хозяев о гостях; им в ответ похрюкивали свиньи; гуси вразвалочку, подгоняемые маленьким пастушонком, уже возвращались домой; куры стайками бродили по двору, копаясь в земле в поисках, чем поживиться.

А жители... мужчины все бородатые, одетые в свободные рубахи, шаровары и короткие сапоги. Дядька Силуан возвращался с соседних выселок, куда отвозил креницу. Молодой, ещё безбородый Всеслав с горделивою улыбкой вручил матери связку птиц, пойманных собственноручно собранными силками. Местные женщины, все поголовно в платках, тёмных юбках и каких-то кофтах, в основном хозяйничали дома, поднимаясь ещё до рассвета. Девушки обычно носили сарафаны, украшенные яркой вышивкой, управлялись в полях, смотрели за скотом да мамкам помогали.

Я два дня, после того как очнулась, ходила словно блаженная по деревне и ошалело рассматривала дома, постройки, людей... искала подсказку, что всё это дурной сон и неправда. Но всё было настолько настоящим... а ещё слова, они го-

ворили по-другому, а я понимала и, что удивительно, сама изъяснялась на их же диалекте.

– Малуша, поспешим, – окликнула меня Агнешка, прерывая мои воспоминания, – уж больно ныне тётка Бажена сердита.

– Тогда, может, лучше сразу на поле? – немедля предложила, решив, что не стоит попадаться тётке Бажене на глаза, с её сильной рукой я уже успела познакомиться.

– Брюкву доделаем, там как раз немного осталось, – согласилась маленькая подружка и, сорвав у края вытоптанной дорожки хворостинку, принялась отгонять от себя назойливых комаров. Время подступало к вечеру, солнышко уже не так пекло, и кровопийцы тут же повылазили из травы.

Проходя мимо тёткиного двора, я, втянув голову в плечи, спешила прошмыгнуть незамеченной. День с утра не задался, настроение у меня было препаршивым, а тётка характером вредная. Обруливая оставленный одной из бурёнок подарок, я едва не упала, когда под ноги кинулся головастый щенок, коего гоняла малышня лет двух-трёх, забирая у того недоеденную кость. Две румяные девицы, ворошившие деревянными вилами сено, тут же громко хихикнули, заметив моё неловкое приземление.

– Дуры, – буркнула себе под нос, с трудом подавив желание треснуть обеим промеж глаз.

– Косы у тебя красивые, вот и завидуют, – глубокомысленно заявила Агнешка, пристроившись рядом со мной, она,

засунув в рот прутик, задумчиво его грызла.

– Ага.

– Малуша, опять чего замыслила? – прошамкал дед Желан, лучший бондарь сразу трёх выселок. Разместившись у сарая, под вечерним солнышком, он, собирал новенький бо-чонок, щурил глаза, зорко приглядывая разом за всеми.

– Неа... брюкву полоть пошла, – отозвалась, мысленно выругавшись. Досталось же мне в наследство тело девушки, что ни день вытворявшей что-нибудь непотребное.

– Гляди, запрет тебя тётка Бажена в клетки, – по-доброму предупредил дед, вернувшись к работе.

– Слушай, давай ходу добавим, – предложила Агнешке и ускорила свой шаг. Говорить сегодня ни с кем из местных мне совсем не хотелось. И так на протяжении этих двух недель осторожно приходилось собирать по крупицам сведения о жизни в деревне, об умениях, о людях, что окружали Малушу.

В первое время было очень трудно ничему не удивляться, украдкой поглядывать на девушек и женщин, примечать их действия и повторять. Пусть неумело и, чаще всего, веселя народ, но кричать, что неместная, я не решилась. На опыты не сдадут и вроде сжечь не должны, но за чокнутую точно примут и с выселок попрут.

– Малуша! Дурна девка! Я тебе что говорила? Масло взбить! А ты где ходишь?! – раздался громкий визгливый голос тётки за моей спиной. От неожиданно резкого окри-

ка испугано сжалась, но тут же, расправив плечи и вздёрнув подбородок, ответила:

– Лежит в погребке, два шара вышло.

– Ааа... тесто? – растерянно промычала, но быстро нашла тётка Бажена, почему-то невзлюбившая Малушу.

– У печи стоит на лавке.

– Топнуть пошла? – грозно спросила дородная женщина, недобро сощутив глаза.

– Брюкву полоть! – рывкнула, чувствуя, что закипаю. Сколько можно, уже две недели прошло.

– Гляди у меня, – напоследок заворчала Бажена, погрозив пальцем, повернула к дому, по дороге наорав на малышню, попавшуюся ей под ноги.

– Как есть, Волыня наябедничала, – пробормотала Агнешка, прятаясь всё это время за моей спиной.

– Наверное, – равнодушно пожала плечами, срываясь почти на бег.

Пропалывать брюкву было очень полезно для ума. Стоишь кверху попой, дерёшь траву. Агнешка тихо сама себе под нос что-то бормочет, птички щебечут, красота...

А мысли в голове мечутся, и не знаешь за что ухватиться. То ли податься в город какой, ведь есть же здесь города? Или тут обживаться? А что, лучше быть большой лягушкой в маленьком болоте, чем маленькой в большом.

Знаю я порядком больше местных, пусть в хозяйстве не разбираюсь, но в голове-то много чего имеется, если поко-

паться. То же масло, руки чуть не отвалились, пока мутовкой орудовала, хорошо злая была, мигом управилась. А если механический миксер изготовить? Вон дядьку Силуана попросить.

– Богдан едет, – зловеще прошептала Агнешка, прерывая мои мысли, и удивительно быстро оказалась рядом со мной.

– И что? – так же шёпотом спросила, за время нахождения в этом мире я пока не встречала мужчину с этим именем, и оно мне ничего не говорило.

– Малуша! Никак лучше тебе? – хохотнул мужской хриплый голос, – и правду бабы болтают, точно в пруду маруха в тебя вселилась.

– Заблудился? – ехидно спросив, медленно разогнулась, подбоченясь, окинула взглядом двух могучих всадников: косая сажень в плечах, руки крепкие, чубы вихрастые, а улыбки наглые, насмешливо добавила, – я могла бы подсказать вам прямую дорогу, но уверена, вы её и сами хорошо знаете.

Глава 2

– Что? – изумлённо переспросил тот, что рыжий, с недоумением переглянувшись с тем, что блондин.

– Говорю, проходите мимо и не задерживайтесь.

– Богдан, по-моему, нас послали, – хмыкнул рыжий, уставившись на меня, словно на неведомую зверушку.

– Дошло, – проговорила, насмешливо вскинув бровь, отвернувшись к молодцам задом, тихо, как будто между прочим, добавила, – мда... природа здесь славно отдохнула.

– Ах ты трясогузка! – рыкнул сердитый мужской голос, – ну я тебя сейчас задам.

– Только подойди и останешься без того, чем так гордишься, – рыкнула я в ответ, резко обернувшись, и выставила перед собой нож, грозно сведя брови, немигающим взглядом следила за спешивающим Богданом.

– А ну её, безголовая девка, – окликнул парня рыжий, – точно маруха в неё вселилась.

– Ага, она самая.

– Дура! – напоследок бросил Богдан, быстро взлетел на лошадь и, сжав ногами бока пегой, рванул от поля подальше.

– Малуша, ты самого Богдана напугала, – восторженно пискнула Агнешка, стоило обоим гарным молодцам исчезнуть за поворотом.

– Хам и наглец, – проронила сквозь зубы, мысленно вы-

ругавшись на себя. Всё же надо быть сдержанней, но как это сложно. День! Всего день мне позволили отлежаться, а после представили к работе. А там желающих укусить девушку, то есть меня, оказалось слишком много. Ни минуты не прошло, дай Малушу обидным словом назвать. Накипело!

– Он всегда же к тебе цепляется, ты больше пряталась от него, – неопределённо пожала плечами девочка.

– Значит уже хватит.

– А нож зачем взяла, неужто и правда порезала бы? – вдруг спросила Агнешка, удивлённо вытаращив свои глазёнки.

– Если бы понадобилось, то да, – глухо ответила, возвращаясь к работе, – давай драть сорняки, немного осталось.

– Ага... Ой! Колючий какой!

Ещё, наверное, около часа мы провели на поле. К нам никто не лез, вопросов глупых не задавал, дополнительную работу не подкидывал. Жаркое по-летнему солнышко уже давно скрылось за высокими деревьями, птицы умолкли, но всё равно нет-нет, а из густой дубравы раздавался переливчатый свист.

Мошку и комаров, обрадованных скорой кровавой поживой, сдул в сторону реки поднявшийся ветерок. Тишина и полное спокойствие окружали нас. Возвращаться в дом, где опять будут сыпаться со всех сторон ехидные замечания, где тётка Бажена наверняка даст новое задание, не хотелось. И нет, я никогда не была ленивой, но здесь была откровенная

наглость, когда все уже разбрелись по лавкам и полатам, я либо вычёсывала в подклете шерсть, либо ошипывала перья с курицы.

– Пошли домой, скоро вечерять будут, – прервала мои нерадужные мысли Агнешка, вытирая о траву испачканные ручки.

– Идём, – тяжело вздохнула, поворачивая к дому.

На ужин опаздывать никак нельзя, в лучшем случае останешься без него, в худшем – получишь от тётки. Уж не знаю, как с ней живёт дядька Силуан, но Бажена – баба склочная, вредная, хотя хозяйство у неё доброе и всем одна управляет. Да и детей сестры не бросила, приютила, хотя своих хватает. Да, ласки не увидишь, но и к родным она не лучше относится. Просто Малуше не повезло, сама девка егозой была, а тётка баловства не любит.

– Явилась, – недовольно буркнула Бажена, расставляя на столе горшки, – неси с погреба сметану.

– Хорошо, – покладисто кивнула, быстро исчезая в двери.

– Малуша, и мёду прихвати, – крикнула вдогонку женщина, – тот, что с краю стоит.

– Ладно.

Ужин был сытным и невероятно вкусным. Что примиряло меня с этим временем, так это настоящая, не испорченная химией и всякой дрянью еда. Сегодня на столе стояла в горшке гречневая каша с разварившимся на волокна мясом, пахнувшая дымком. Капуста квашеная с клюквой, и мо-

чѐные яблоки. Пирог с рыбой, с капустой. На сладкое детям раздали по ломтю хлеба с мѐдом, те запивали всё это молоком. Дядька Силуан, кряхтя от удовольствия, шумно пил мѐд, ну а я довольствовалась ядрѐным квасом, пахнувшим хлебом и яблоками.

– Малуша, надо к завтрашнему обеду шерсть додрать, Заряна с Годимиром на Холмовку поедут, сказали, отвезут.

– Хорошо, – мысленно хмыкнула, ощущая себя золушкой, в очередной раз утвердившись, что нужно это менять. Иначе так и буду ходить битой.

– Или к утру они рядились? – задумчиво промолвила женщина, взглянув на мужа.

– К обеду, – ухмыльнулся дядька Силуан, быстро смекнув задумку своей супружницы.

– Слышала? – недовольно сказала тѐтка, – иди, что сидишь.

– Пошла, – подорвалась, уже зная, что, если Бажена завелась, её не остановить.

До самой полуночи я драла эту шерсть, радуется, что руки Малуши были привычные к тяжѐлой работе и новых кровавых мозолей не появилось. Уставшая от непростого труда, вымотанная мыслями, я, свернувшись клубком, разместилась на узкой лавке и, стоило моей голове коснуться подстилки, как я тут же забылась беспокойным сном.

– Малуша, вставай, пора, тѐтка Бажена ругаться будет, – шептал писклявый детский голосок, дѐргая меня за руку. Не

сразу я поняла, что обращались ко мне, всё никак не свыкнусь с этим именем, – ну, Малуша.

– Ещё минутку, а, – промычала, переворачиваясь на другой бок, как всегда надеясь, что этот странный сон вскоре пройдёт.

– Малуша! Лентяйка эдакая, ты ещё лежишь! – Неожиданно громко крикнули над ухом, больно ткнув мне в спину, – Радим скоро на выпас погонит, а коровы не доены! А ну, быстро пошла.

– Иду, – буркнула, поднимаясь с лавки, – и нечего так кричать.

– Совсем дурная девка стала, ещё и огрызается, – продолжила ворчать тётка Бажена, покидая тёмную крохотную комнату размером около восьми квадратов, в которой спала ребятня от трёх до десяти лет и я с ними, поставленная присматривать за малышнёй ночью.

– Ну вот, говорила тебе, – тихонько прошептала Агнешка, – она с утра сердита.

– А когда она бывает доброй? – задала риторический вопрос, направляясь к умывальне, – полей, пожалуйста.

Пять коров! Пять, которых я должна была подоить, прежде чем их на выпас уведут. И не знаю, кто из нас больше мучился. Я или бедные бурёнки. И сразу не подступишься, они, паразитки, видно, чувствовали мою растерянность и бодались, одна так, самая вредная, с чёрной звездой на лбу, вообще лягается. Но я научилась быстро ведро выдёргивать,

главное – вовремя заметить подрагивающий мускул на ноге и недовольное размахивание хвостом.

– Стой! Стой, кому сказала, будешь бодаться, на колбасу пущу, – рыкнула, отпихивая рыжую морду от себя.

– Малуша, ты как в первый раз, – хихикала Агнешка, которая быстрее меня управилась со своей работой.

– Почти, – пропыхтела, снова рывкнув, – да стой ты, окаянная!

– Малуша, совсем безрукая! А ещё до Любима просилась, – раздался ехидный голосок Воыни, моей заклятой подружки.

– Иди отсюда, куда шла.

– Тебя и дед Желан в супруги не возьмёт, – продолжила девица, худая, словно жердь, лицо блеклое, а тонкие губы всегда вытягивались в ниточку от постоянного недовольства.

– Что, сама на деда Желана заглядываешься? – насмешливо бросила, – ты смотри, не под стать ему, он мужик славный, а ты мышь серая.

– Да ты..., – задохнулась от возмущения Воыня, разом покраснев, я, честно, даже испугалась, впервые вижу, чтобы так быстро кровь к голове прилиwała.

– Я, я, иди отсюда, не мешай работать, – уже тише проговорила, а то хватит девицу кондрашка, а я крайней опять останусь.

– Малуша! Всё ли закончила? – окликнул дядька Силуан, чем спугнул малахольную Воыню, – ты сказать чего хотела.

– Иду, – отозвалась я, шёпотом добавив, – Агнешка, одна осталась...

– Подмогну, – кивнула девочка.

Глава 3

– Дядька Силуан, идём на голую землю, там рисовать буду, – позвала мужчину, первой двинулась к проплешине во дворе, – смотри, чего хочу сделать, поможешь ли?

– Давай гляну сперва, а там покумекаем, – добродушно улыбнулся мужчина, в очередной раз подтвердив, насколько он отличается спокойным характером от вредной тётки Бажены. Но всё же главой в доме был он. Он контролировал всё имущество семьи и судьбу каждого из его членов. Он решал за кого, когда и кому из дочерей выходить замуж, а на ком жениться сыновьям. Его власть в доме была безграничной, и стоило дядьке только грозно взглянуть на Бажену, та враз замолкала. Поэтому мне нужно завоевать его уважение, а для этого необходимо выбраться из рутины и принести в дом то, что может увеличить достаток в семье. Но сделать будет это не просто – я девица, ещё и малахольная, если верить словам заклятых подружек, тётки и прочих необъективных жителей выселок

– На крышку крепим вот такую деталь, их нужно две, – принялась чертить на земле примерную схему механического миксера. Знала я о нём немного, но пользовалась и понимала работу этого инструмента. Главное – сковать требуемые детали и собрать, если что, по ходу подгонять будем.

Над этим чертежом я полночи билась, вспоминала, прики-

дывала. И очень надеялась, что дядька не откажет мне. Я была уверена, что только это поможет мне отстоять свою независимость, добиться уважения в этой деревне. Иначе нужно уходить, а как это сделать? Девица, молодая, одна да на дороге... Страшно, поэтому обживаемся пока здесь.

– Мудрено, – задумчиво пробормотал мужчина, разглядывая рисунок на земле, – не пойму тока, зачем тебе.

– Масло взбивать, – ответила, украдкой скосив глаза на дядьку, – мутовкой тяжело да долго, а этой быстрее будет, за ручку крутишь, здесь вертится.

– Малуша! Ты уже управилась, я гляжу! Иди ягоду тогда собирать, осыпается вся, – заорала Бажена, которая, по всей видимости, тихо говорить не умеет.

– Ты иди, я запомнил, – тихо проговорил дядька Силуан, хмуро взглянув на супружницу, после чего та вмиг скрылась в сених, он, криво усмехнувшись, продолжил, – ежели чего, спрошу у тебя. Только начну не ранее третьего дня, заказ имеется. С соседних выселок косы привезли, надо подправить.

– Хорошо, – благодарно улыбнулась, рванула в подклеть за корзинкой. Что-что, а ягоду собирать я люблю: и наешься, и от горластой подальше. Так что вместе с Агнешкой уже спустя десять минут мы бодро вышагивали к реке, вдоль неё росли невысокие кусты смородины, ароматные ягоды которой уже начали созревать.

Идти было легко, солнышко ещё не успело раскопча-

ряться, а воздух был по-утреннему свеж. Тропинка тянулась сквозь смешанный лес, петляя между стволов высоких сосен и берёз. Низкорослые кустарники сменялись боярышником, создавая приятную тень. Сегодня здесь ошеломляюще пахло земляникой, мёдом от белых мохнатых цветов и горячей смолой от высоких сосен. Я любила больше всего летний лес; он всегда мне казался в это время особенно живым. Он для меня был тем местом, куда можно было убежать от городской суеты и провести чудесно своё время. Я всегда с грустью смотрела на зелёную полосу, тянущуюся вдоль дороги, когда возвращалась поздним вечером домой, жалея, что времени заглянуть к старым знакомым великанам, как всегда, не было. Зато теперь я наслаждаюсь почти ежедневными прогулками по лесным тропинкам, мысленно хмыкнула, прогоняя из головы мрачные мысли.

– К реке идём, мы с Добрянкой по весне бегали сюда, приметили одно место, – произнесла Агнешка, сворачивая на одной ей видимую тропинку.

Добравшись до реки, местами широкой, полноводной, с высокими берегами, мы немного прошли до пологого спуска с мелким песочком на берегу, смыли пыль с лица, что успела прилипнуть за время нашего пути. Напились ледяной, невероятно вкусной воды и отправились дальше, пока не набрали на кусты, сплошь усеянные ягодой. Нам повезло, видно, до сих мест ещё не успели добраться, и не приходилось ходить по оборвышам.

– Ты глянь, какая крупная, – обрадованно воскликнула Агнешка, рванув собирать буренюку.

– Угу, а какая запашистая, – промычала я, закинув в рот горсть ароматной, кислой ягоды, и зажмурилась от удовольствия.

Не спеша, мы обрывали куст за кустом, наши корзинки были давно полны, но оставлять манящую спелыми бочками ягоду не хотелось. Стащив с головы платки, что повязали перед выходом в лес, мы принялись собирать смородину туда, углубляясь всё дальше.

Солнце уже успело подняться высоко в небе, и от жары спасали лишь тень деревьев и прохлада, идущая от реки. Птицы разноголосо щебетали на весь лес, шелест листьев на верхушках деревьев и журчание воды... Эти незамысловатые звуки природы дарили спокойствие и умиротворение.

– Милая моя, Малушенька, – прошептали над ухом, и сильные горячие руки, обвив меня, прижали к крепкому мужскому телу.

– Кхм..., – от неожиданности я подавилась ягодой, которая уже набила оскомину, но совсем не испугалась. Наоборот, подобралась и приготовилась дать отпор подкравшемуся незаметно Любиму. Его обволакивающий бархатистый голос я узнаю теперь за версту, ведь он уже на следующий же день, как меня откачали, пришёл справиться о моём самочувствии и ведь знал, что из-за него Малуша топиться пошла – нет, заявился.

– Любый мой, – проворковала, развернувшись в кольцо рук, я всё же отступила, высвобождаясь, – никак соскучился, а как же Велена?

– Малушенька, знаешь ведь, не люба она мне, родичи заставили, – повинился парень, красавец, словно с картинки сошёл про богатырей: и статен, и могуч, а улыбка – загляденье. Но вот глаза бегают, а руки дрожат в нетерпении, дай только полапать. И зло такое меня разобрало, ведь знает, знает, что Малушка топилась, и понимает, что не быть им вместе, что невеста у него имеется и к свадьбе уже идут приготовления, но нет, ходит, берedit душу девушке, не отпускает.

– Как же, ведаю, любый мой, навязали нежеланную, а ты и отказать батюшке не можешь, – сказала я, облизнув верхнюю губу, и, чуть приоткрыв рот, шумно задышала, одновременно поглаживая ладонью вздымающуюся грудь мужчины, немного подталкивая местного ловеласа, проникновенно прошептала, – а я-то как соскучилась.

– Малуша, – просипел парень, задыхаясь, выпалил, – всё для тебя сделаю.

– Так уж и всё, – насмешливо бросила и от всей души зарядила коленом в пах, тут же толкая нахала в реку, зло выкрикнула, – ещё раз подойдёшь – хуже будет!

С громким стоном и брызгами рухнувший в воду, парень очумело крутил головой, не сразу поняв, как здесь очутился. Но спустя мгновение он вскинул голову и зло сквозь зубы

процедил, – малахольная!

– Сам такой! Удумал чего, у тебя невеста сговорённая, а ты ко мне шастать удумал! – рывкнула, подхватывая платок и корзинку, рванула к Агнешке, которая разинув рот стояла в метрах пяти от нас, – пошли домой, хватит! Насобирали достаточно.

Не дожидаясь, когда девочка отомрёт, я устремилась к выселкам, мысленно ругаясь на Любима. Теперь придётся половину дня тётку Бажену слушать да тычки от неё получать. А можно было в лесу до вечера задержаться, пирогов я с собой прихватила, а что долго, так ягоды полно, вон полная корзинка, да в платок набрана кисленькая.

– Малуша, а чего он это? – с недоумением пробормотала подруга спустя пару минут, когда, наконец догнав меня, пристроилась рядом.

– Споткнулся, – хмыкнула, насмешливо добавив, – ноги не держат.

Глава 4

Домой мы особо не спешили, но всё же спустя час вышли к выселкам. Проходя мимо соседнего двора, услышала гаденькое хихиканье, обернувшись, заметила, как две девичьи головы разом склонились к столу, а руки шустро заработали, мелко нарезаая куски мяса для просушки.

Впервые увидев небольшие тёмно-коричневые шарики в печи у тётки Бажены, навевающие не особо аппетитные ассоциации, я с удивлением смотрела, как Михась, пока мать не видит, сыпанул горсточку в поясной мешок и тикать из хаты. Настороженно взяв один из них, на ощупь немного маслянистый комочек, я с опаской засунула его в рот, медленно разжевав, узнала в нём мясо. Довольно вкусное, и его в таком виде удобно летом в дорогу брать, точно не испортится.

– Вольня сказала, – прошептал девичий голосок, прерывая мои воспоминания.

– Малуш, не слушай их, – отмахнулась Агнешка, наверное, единственный человек здесь, который по-доброму ко мне относился.

– Не буду, – с улыбкой кивнула, проходя мимо болтушек, завернув за угол, оторопело уставилась на двор дядьки Силуана. Там был погром, тётка затеяла уборку, и все от мала до велика трудились не покладая рук. Михась и Радим, два старших сына лет так десяти, перемещали поленницу

ближе к бане, Всеслав и Тихон вытаскивали из подклети корзины, раскладывая их на солнышке для просушки. На жерданом заборе уже висели перина и подушки, жарясь под горячими лучами.

Оглядев почти полностью завешенный ими забор, вдруг поняла, что даже у самого маленького Тихона была пусть плоская, но перьевая подушка, а я спала на подстилке, набитой гречневой шелухой и шерстью. Это, конечно, полезно, но странно.

– Явились! – Рыкнула Бажена, завидев нас, – тут дел полно, а они гуляют.

– Мы ягоды собирали по твоему поручению, – напомнила тётке, зная наверняка, что не услышит, а ещё хуже, подзатыльник даст. Учит нас так – непутёвых.

– Воляня вон давно вернулась, – продолжила выговаривать крикуша, – Агнешка, хватит рот разевать, бегом до бани, бельё не сполоснуто, а ты корзину клади и тоже туда иди, половики лежат, отмокают.

– Иду, – буркнула, глядя вслед уже спешащей к бане Агнешки, единственной дочери Бажены, но ласки и любви у той к ребёнку совсем не было. Наверно поэтому девочка ко мне прикипела и ходит хвостиком.

– А после одёжи садись чинить, – добавила тётка, видно, не удовлетворившись моей покладистостью.

– Хорошо, – кивнула, спеша скрыться из виду, а то ещё чего придумает.

Домотканые дорожки стирать руками, шоркая их о деревянную ребристую доску, – то ещё удовольствие. Пару раз руки неловко срывалась, стирая костяшки пальцев до крови. Агнешке тоже было непросто выжимать большие отцовы рубахи, пришлось бросать своё и помогать. Радует, что нынче мальчишки воды натаскали, а иначе отправили бы ребёнка на реку, а вода в ней, хоть и лето на дворе, леденющая, аж руки ломит.

– Всё, – устало выдохнула Агнешка, падая на лавку у бани, – Малуша, у тебя пирогов не осталось?

– Есть один, в суме глянь, – пыхтя прошептала, развешивая тяжёлые от воды половики на забор.

– Будешь?

– Нет, – ответила, устраиваясь рядом с девочкой. Я откинулась спиной на тёплую стену бани и, прикрыв глаза, подставила лицо ласковому солнышку. Где-то рядом, на зелёном лугу блеяли маленькие ягнята, трещали сверчки в траве. Над головой жужжали пчёлы, а воробьи, усевшись на коньке крыши скотного двора, ждали, когда пегий отойдёт от яслей, чтобы поживиться с его кормушки.

– Малуш, а правда говорят Воляня с Заряной, что мужа ты не найдёшь?

– Хм... почему? – растерялась я, не зная, что ответить девочке.

– Слышала, как говорили вчера у стога, – продолжила Агнешка, прожевав последний кусочек пирога, – что возраст у

тебя вышел и приданого нет.

– Ну, наверное, – равнодушно пожала плечами, мысленно ликуя, скорое замужество мне не грозит, но всё же уточнила, – а болтушки считают какой возраст самый подходящий для этого дела?

– Как Велене, шестнадцать, а тебе уже девятнадцать, – ответил ребёнок, с сочувствием на меня посмотрев, – мамка говорила, что сестра Силуана была глупой и не отдавала тебя, когда время пришло, а потом и вовсе поздно стало.

– Почему? – тихо спросила, радуясь такой словоохотливости Агнешки, всё же о себе я знала немного, удалось выяснить только, что живу я в этих выселках всего-то месяца три. А почему – неизвестно.

– Так погорели твои все и приданое, что собирали, тоже, – удивлённо проговорила девочка, понятливо добавив, – снова запомнила?

– Угу, – растерянно кивнула, мыслями я была уже далеко. Вот значит как, Малуше удалось спастись, а родичи погибли в огне, вот Бажена и приютила приبلуду. Лишний рот, ещё и приданое ей собирай, без него и замуж никто не возьмёт. Нда... непросто девушке было, мать с отцом и поди ещё и братьями погибли, всего лишилась, тётка злая... вот и прикипела к Любиму, что лаской её одарил, а после, узнав о предательстве, жизни себя лишила.

Мысленно собрав очередной пазл из жизни моей предшественницы, я с горькой усмешкой произнесла:

– Ничего, Агнешка, зато я рядом с тобой буду, сказки рассказывать и вкусными пирогами делиться.

– А сегодня ночью расскажешь? – тут же спросила девочка, нетерпеливо поёрзав на лавке.

– Если Бажена не подкинет новое задание, то расскажу, – пообещала я, поднимаясь.

– Идём, надо починкой одежды заняться, увидит, что без дела сидим, крик на все выселки поднимется.

– Мамке трудно, работы страсть сколько, вот и сердится, – заступилась Агнешка.

– Знаю, поэтому поспешим.

Одежды накопилось много, игла толстая, тяжело проходила сквозь грубую ткань. Пальцы я исколола уже через пять минут, как села штопать. Делая это неумело, я всё время поглядывала на ловкие движения ручек подружки и училась.

Спрятавшись подальше от шмыгающих по двору мальчишек, подгоняемых громкими криками тётки, мы жмурились от вечернего, но ещё ослепительного солнышка и болтали. Вернее, в основном говорила Агнешка, посвящая меня в сплетни выселок. Понемногу я узнавала о соседях всё. У кого корова принесла бычка с пятнышком на голове, кто из девушек за кем присматривает. Какой из парней самый завидный жених, лучший охотник и рыбак. Кто из девушек умелая вышивальщица, а у кого приданое самое знатное.

– Подожди, а про приданое откуда знаешь, какое у Веленки? – удивлённо переспросила, не понимая, хвастается она

им что ли.

– Так приглашала она на пирки, там и видела Добряна, – пожалала плечиками Агнешка, – рассказывала, что перин токмо пять штук, подушек не сосчитать, постельное, занавески, скатерти, подзор для кровати, и всё украшено вышивкой.

– Богатая невеста Любиму достанется, – хмыкнула я, чувствуя обиду за Малушку. Наверняка у неё тоже было неплохое приданое, ведь собирать его начинают с рождения девочки, но всё съело огнём.

– Ага, – бесхитростно ответил ребёнок.

– Кажется всё, дыр больше нет. Агнеша, я быстро схожу до дядьки Силуана, – прошептала, поднимаясь с лавки, – тётка будет спрашивать, не говори.

– Ладно, я до Добрянки сбегаю.

Со двора удалось выбраться незамеченной и, обрадованная, что не попала на глаза Бажене, я рванула к кузне, стараясь держаться подальше от заборов, за которыми сидели злые собаки. Кузня дядьки Силуана находилась в самом конце выселок. Дорогу я знала: не единожды за эти две недели обеды носила, поэтому заблудиться не опасалась.

Свернув на соседнюю улицу, чтобы лишний раз не попасть на глаза вредной Вольне, засмотревшись на странное сооружение во дворе деда Годима, я со всего размаху врезалась в Богдана, и если бы не его крепкие руки и молниеносная реакция, точно бы свалилась.

– Куда спешишь? – хриплым голосом спросил парень, не

отпуская мои руки.

– К дядьке, – повела плечами, чтобы освободиться, но Богдан продолжал держать, – пусти.

– А то что? – ухмыльнулся он, – с Любимом у реки миловалась, а мне нельзя?

– Хм... вот оно что, – насмешливо бросила я и, запрокинув голову, посмотрела прямо в глаза ещё одному ухажёру, – значит, хочешь так же? Уверен?

– Я ласков, – заверил меня Богдан.

– А я нет! – рыкнула, со всей силы ударив его под дых, как учил братик, после чего выскользнула из крепкого захвата и рванула к кузне. Налитые кровью глаза и злобный оскал стоявшего от боли Богдана ничего хорошего не предвещали.

Глава 5

– Дядька! – обрадованно воскликнула, влетая в невысокое каменное здание, которое меня всегда завораживало множеством знакомых и незнакомых вещей.

Плавильная печь для нагрева крицы, кочерга, лом, лопата, наковальня, молот, разнообразные клещи для извлечения из горна раскалённого железа и работы с ним... Тяжёлая балка толщиной с две моих руки, чтобы раздувать меха, поражала своей мощностью, ведь какую надо силу иметь ей беспрестанно работать. А ещё удержат клещами кусок железа, пока кузнец зубилом пробивает отверстия в ушках для ушата, лемехах для сох, мотыгах. Или отверстия в клещах, ключах, лодочных заклёпках, на копьях (для скрепления с древком), на оковках лопат.

Принося обед дядьке Силуану, я всегда старалась хоть немного задержаться здесь. С увлечением разгадывая то или иное приспособление, радуясь, словно ребёнок, если мне это удавалось. И видела, как тяжёл труд кузнеца и его помощника. Мне казалось, это сродни волшебству – определять по искрам раскалённого добела металла его готовность и своей силой из простого куска изготавливать все эти так необходимые вещи.

– Ты чего это? – прервал мои мысли дядька Силуан, изумлённо уставившись на запыхавшуюся меня.

– Забыла... рассказать, – выпалила, быстро оглянувшись, изрядно приободрилась, отметив, что меня никто не преследовал.

– Малышка, ты и правда малахольная! – добродушно фыркнул дядька Силуан, – никак опять Бажена ругается?

– Да нее, она всегда такая... – отмахнулась, вытирая пот со лба, я ненадолго замолчала, рассматривая то ли кастрюлю, то ли будущий шлем, лежащий на лавке, – это что?

– Шлем для младшего сына Драговиды, желает в Вырь податься, там князь войско собирает, – нехотя ответил кузнец, хмуро добавив, – а ты чего алкала?

– А что случилось? Почто князь войско собирает?

– Тебе зачем? Али тоже собралась, – рассмеялся дядька Силуан.

– Просто, – равнодушно пожала плечами, – ты так сказываешь хорошо да гладко.

– Хм..., – довольно почесал бороду кузнец, – кочевье лютует, разграбили окрестности Переяславля и увели табун лошадей. Драговид говорит, три недели назад сам Боняк подошёл к Лубену. Наши князья-то объединили силы свои, и кочевники трусливо бежали с поля боя. Но князья войско собирают, ведают, видать, чего.

– А Вырь далеко от Ручеек?

– Три дня верхом, телегой дольше, – ответил мужчина, тут же подозрительно сощурил глаза, – а тебе почто?

– Для общего развития, – быстро протараторила, перево-

дя разговор на другую тему, кивнула в сторону стола, – красивая выходит.

– Да, крепкий булат

– Центр тяжести к острию сместил? – Уточнила, подняв саблю со стола, стала внимательно рассматривать оружие. Длинный клинок около метра, с шириной лезвия не меньше пяти. С хорошим изгибом, такой имеет большую силу рубящего удара. А вот эфес подкачал, прямой с шариком на конце, – Дядька, ты бы здесь утолщение убрал и чуть удлинил, а в этом месте загнуть бы хорошо для пушного удобства рубки. Да гарду добавь для защиты от скользящих ударов по клинку.

– Хмм... дело баешь, – задумчиво протянул мужчина, удивлённо взглянув на меня, добавил, – ты никак в кузнечном деле стала разбираться?

– Нет, остриё вниз тянет да держать неловко, – с улыбкой пробормотала, – дядька Силуан, а сделай мне ведро маленькое, как вот этот шлем, и дырку в нём с палец мой, вот здесь.

– Зачем?

– Рукомойник у нас неудобный, без помощи не обойтись, – ответила, вспомнив, какой сейчас висит у входа в хату. Из красной глины, с двумя носиками и ручками, пока приноровишься к нему, весь мокрый будешь.

– Придумаешь чего, зачем надо?

– Ну вот смотри, – принялась объяснять кузнецу на будущем шлеме, что нужно, – сюда в это отверстие стержень

поставим, он должен ближе к краю расширяться, чтобы не проваливался. Здесь ушко надо бы, на стену подвесим над лоханью, стержень толкнём внутрь, и вода польётся.

– Опять мудришь.

– Лучше же будет, – заканючила я.

– Иди давай! Ходит тут, от работы отвлекает.

– Подожди, про миксер чего скажу. Зубчики нужны на диске, иначе крутится не будет.

– На этом? – спросил кузнец, показывая уже готовую деталь. Видно, всё же увлекла его идея, приступил к работе раньше, чем говорил.

– Да, – обрадованно воскликнула.

– Всё, иди, а то достанется тебе от Бажены.

Выходила из кузницы, опасливо осматриваясь, но Богдан за забором не скрывался и за деревом тоже меня не поджидал. Вздохнув от облегчения, что обошлось, я уже бодрой рысцой направилась к дому, надеясь больше настырных ухажёров не повстречать. Умом понимая, что пока мне несказанно везёт, а могли бы и треснуть стгоряча.

Спеша скорее оказаться дома, я всё же не забывала поглядывать по сторонам. Солнце уже катилось к заходу и вот-вот скроется. Вытопанная дорога шла вдоль жердяных заборов, на которых висели глиняные крынки, половики да корзины. Видно, не только тётка Бажена генеральную уборку устроила.

Со всех дворов были слышны уже ставшие привычными

звуки: кудахтанье кур, похрюкивание свиней, гоготание гусей. Из двора бабки Анисьи раздавался гулкий звук топора, а от дома Квасены и Часлава шёл дивный аромат свежего хлеба. Неспешная жизнь в РучЕйках меняла меня, тыкая носом, будто нашкодившего котёнка, указывая на важные и забытые радости, которые я теряла, живя в непрекращающейся гонке за благами.

– И где ты бродишь? – недовольно забурчала Бажена, встретив меня у входа во двор, – до Ядвиги пойди, она рыбу обещалась дать.

– Корзинку брать?

– На, стоит уже давно, – сунула мне в руки, наверное, самую большую из всех имеющихся, – да не гуляй праздно, приданое надо готовить, а то останешься в девках, и даже вдовый с детьми тебя не возьмёт.

– Угу, – кивнула и быстро ретировалась, смысла спорить с этой бабой не было.

Гулять по улицам не стала, на сегодня, пожалуй, хватит приключений. Уж лучше тётку послушаю, глядишь, чего нового узнаю, поэтому поспешила к соседке. Ядвига жила всего через два двора от нас, тётка была хмурая да вредная, ещё хуже, чем Бажена. Сердито взглянув на меня, даже не поздоровавшись в ответ на приветствие, она, словно специально, набросала в корзинку побольше окуней. Рыба, конечно, вкусная, но чистить её непросто, чешуя держится крепко и не сразу поддаётся, а руки обязательно исколешь плавника-

ми. В итоге, вернувшись домой, с рыбой управилась я только спустя часа полтора, кому, как не мне, её чистить и потрошить досталось. Тётка Бажена помогла лишь солью присыпать, и то, думается мне, сделала это, потому как соль в доме сэкономили, а доверия к малахольной у неё не было.

После сытного ужина меня тут же усадили под едва чадившую лучину, приданое для себя готовить. С недоумением разглядывая странный кусок ткани с незаконченной вышивкой, я чуть сдвинулась, уступая место для Агнешки.

– Красивый рушник, – восхитилась девочка, аккуратно погладив ярко-красные узоры, – у меня так ровно не выходит.

– Хм... и у меня, – пробормотала, думая, с какого края начать.

– Мамка сказала, что хоть один сундук собрать тебе.

– Так стара я для замужества, – весело хмыкнула, – не возьмёт никто.

– Ты красивая и косы у тебя густые, шелковые, – заявила Агнешка, уверенно, добавив, – приданого сундука хватит, не то, что Велене – четыре понадобилось.

– Спасибо, – улыбнулась такой откровенности, – ты краше, у тебя глаза как васильки в поле, а ресницы чёрные да густые будто сама ночь тебя одарила.

– Думаешь, Всеславу глянуть? – смущённо поёрзала на лавке Агнешка.

– Конечно, – заверила девочку.

Спустя пару часов, когда все домочадцы уже разбрелись по своим спальным местам, я вытащила из сундука медную, начищенную до блеска пластину, заменявшую здесь зеркало, и попыталась себя рассмотреть.

– Не страшна, и то ладно, – пожала плечами, свет от лучины был никакой, а пластина не передавала достоверности, – раз говорят красавица, значит так и есть.

Глава 6

Месяц в выселках Ручейки пролетел незаметно. За ежедневными заботами время проходит быстро. Вот только проснулся, а уже вечер. Парни больше не решались приставать, и это несказанно радовало. Любим, если нам не везло встретиться на пути, обходил меня стороной, настороженно оглядываясь. А вот Богдан смущал меня своим внимательным взглядом, но здесь я уже старалась не попадаться ему на глаза и держалась подальше от тех мест, где могли с ним пересечься.

Девушки, что косо смотрели на меня, поутихли, стали более сговорчивыми, частенько зазывали вместе по грибы да ягоды сходить. И разок даже на посиделки пригласили, отказывать не стала, да и было довольно интересно посетить сие мероприятие.

Позвали на посиделки будничные. Девушки ходят туда, прихватив с собой прялки – работают. Сняв домик у одинокой бабки Анисьи, пообещав расплатиться работой в поле, девушки, стоило им только войти в дом, быстро расселись по местам, соблюдая одну им ведомую иерархию. Честно признаться, я даже растерялась сначала от такой скорости, ошеломлённо замерев на пороге.

Как позже объяснила мне Верея, девушки старались занять лучшие места в избе. «Славницы» усаживались на лавке в

переднем углу, где обычно сидел хозяин дома, или на боковой мужской лавке под окошками. Девушки-первогодки также занимали мужское место – около дверей на конике. Меня усадили там же, хотя я была среди всех девиц самой старшей.

Устроившись по местам, все слаженно принялись за работу, при этом громко запевая хором, зазывая в гости парней. Те не заставили себя долго ждать, завалившись гурьбой в избу, вручили подарки: пряники, семечки, орехи, и расселись кто на полу у дверей, а кто на специально поставленной под палатным брусом скамейке у печки.

Их шумное появление меня сначала напрягло, не очень-то хотелось видеть Любима или Богдана столь близко, да ещё и в тесной комнате, но в этот раз повезло, они так и не появились. Через некоторое время мне всё же удалось расслабиться, и я тоже, как и все девицы, начала крутить веретено, с интересом наблюдая за происходящим. Не переставая удивляться, как юноши и девушки с каждой минутой ведут себя всё более вольно. Уже спустя час стали исполнять неприличные частушки, парни отпускали «жгучие» остроты, а девушки вели нескромные разговоры. А одна парочка даже, уединившись в углу, неловко обнявшись, украдкой поцеловалась.

– Малуша! Опять замечталась! – окликнула меня тётка Бажена, легонько пихнув в плечо, прерывая мои воспоминания, – собирай со стола, вечерять будем.

– Хорошо, – кивнула, мысленно забавляясь над тем, как

изменилось отношение ко мне у тётки. Дядьке Силуану удалось изготовить миксер, пришлось немало повозиться, не сразу у нас получилось его собрать. И был он, конечно, тяжёл и грубоват, но это не мешало ему прекрасно справляться с требуемой работой.

Дядька, преисполненный важности и с трудом скрываемого волнения, мне первой доверил испытать этот агрегат. Установив его в горшок, полный холодных сливок, я стала быстро крутить ручкой. Белоснежная жидкость тут же забурлила и буквально через пятнадцать минут превратилась в масло. В маслобойке же для его получения приходилось орудовать мутовкой не меньше сорока минут.

Изумлённое лицо тётки Бажены было мне наградой. Дядька довольно почёсывал бороду, мальчишки таращили свои глазёнки, с удивлением рассматривая странные ручки и зубчатые колёсики, которые так громко шумят.

С того дня к нам ещё с неделю заглядывали во двор, наверное, все жители выселок. Бажена хвасталась миксером, и всем честным народом по очереди взбили все имеющиеся в Ручейках сливки. А дядька Силуан ещё около двух недель возвращался с кузни только поздно вечером, ведь всем так хотелось занять в своё хозяйство такой славный инструмент.

На радостях тётка Бажена даже одарила меня куском богатой ткани, белоснежной, тонкой и невероятно мягкой. Она же помогла выкроить рубаху и села рядышком шить. Прав-

да, проела мне плешь своими нравоучениями да советами.

Дни бежали... а я так и не решила, как дальше жить. Тётка вроде стала помягче и не нагружала сверх меры. Дядька Силуан поглядывал на меня задумчиво и всё чаще обращался за советом. Вроде бы всё хорошо, но жить приبلудой в доме родственников не хотелось. А свой дом построить или прикупить пока невозможно, да и не позволят. Где это видано, чтобы молодая девица да незамужняя, одна без пригляда мужского жила.

– Малуша, радость-то какая! – Воскликнула тётка, степенно вливая в светёлку, – Богдан просил за тебя!

– Чего? – с недоумением произнесла, находясь мыслями ещё далеко.

– Свадьба у тебя скоро, родичи Богдана сговорились! – пояснила Бажена, счастливо улыбаясь, будто её сосватали.

– Не хочу...

– Что? Ты не балуйся! Радоваться надо, что взял тебя такую! – рыкнула тётка, подбоченясь, и грозно уставилась на меня.

– Какую? Не по нраву мне Богдан, – ровным голосом ответила, так же хмуро посмотрев на женщину.

– Силуан, ты послушай, чего говорит малахольная! – крикнула в открытую дверь тётка, – не хочет она.

– Ты, Малуша, не артачься, он парень хороший, доброе у них хозяйство, – начал дядька, замерший на пороге, – каждая девица о семье и доме желает.

– Я тоже, но за него не пойду, – упрямо мотнула головой.

– Малка! Пойдёшь! Потом сама мне спасибо скажешь, – впервые крикнул на меня дядька Силуан, взглянув так, что боязно стало.

– У меня приданого нет, – сделала ещё одну попытку, кусая изнутри губу, борясь с горькой обидой и несправедливостью. Я же так старалась, подсказывала, вон и про миксер рассказала, уже из Холмовки за ним едут. Монет в доме прибавилось. Бажена ткани хорошей набрала, бусы купила, гребень с камнями.

– Ему то неважно.

– По нраву ему пришлась, видать, ты, это ж радость, – ободряюще улыбнулась тётка, наверное, сжалилась надо мной, – все девицы поперва волнуются, я расскажу тебе всё. Поведаю, чего мать должна молвить.

– Расскажи, – усмехнулась, наконец приняв непростое для себя решение.

Свадьбу назначили осенью, когда урожай будет собран и дел по хозяйству станет поменьше. Начало её или середина, то мне было непонятно, но до конца лета остался всего месяц. Месяц, чтобы подготовиться.

Осторожно, чтобы не слишком заметно было, я вытаскивала буквально по горсточке крупу и сыпала её в припрятанный в дупле мешочек. Во второй утрамбовала по самый верх мясные шарики. Завернула в ткань вяленую рыбку и несколько ломтиков сушёного мяса. Там же в дупле лежал

небольшой котелок для приготовления пищи, ложка деревянная и кожаный бурдюк для воды. В общем, готовилась я основательно, зная, что дорога пешком до Выри дальняя, а магазинов по пути я не встречу.

Было страшно, но я не так себе представляла свою жизнь. Выйти за чужого человека, жить с ним, зная, что не погнушается и поучить меня уму разуму. Нарожать кучу детишек и задохнуться от непрекращающейся работы по дому. И так изо дня в день...

– Малуша, куда ты? – увязалась за мной Агнешка, а у меня сегодня под рубахой кусок парусины припрятан, и как теперь его до тайника донести незаметно.

– Грибов гляну, Воляня давеча хвасталась, набрала полную корзинку.

– И я с тобой.

– Ладно, – кивнула, подумав, что отвлеку ребёнка и сбегу до схрона, – только быстро, а то Бажена чего придумает.

– Я мигом, – обрадованно воскликнула Агнешка, срываясь к подклети за корзинкой.

До ближайшего леса идти было недолго. И вскоре мы вырулили на знакомую тропинку, петляющую между деревьев, кустов и валежников. От полуденного солнца, от ароматов трав, обволакивающих как туманом, кружилась голова и щемило сердце.

С грустью глядя на скачущую вприпрыжку девочку, я понимала, что буду очень скучать по этой любознательной и

искренней малышке. Но и остаться в Ручейках не могла, да и не хотела. Не моё это место, хорошо здесь, спокойно, но тянет меня дорога... Поздними вечерами, когда мир замолкает, а звёзды перемигиваются, кто-то настойчиво нашёптывает мне – Там судьба твоя...

Глава 7

Выскользнуть из дома удалось незаметно. Пробираясь через двор, неся в руках мешок с тёплыми вещами, что припрятала за печкой, я настороженно оглядывалась. Ночь была ныне тёмной, луна скрылась за тучами, гнетущая тишина тревожила. Так бывает обычно перед грозой – мир затихает в ожидании, когда вот-вот ударит гром и молния с треском и шипением разорвёт воздух.

– Блин! – едва слышно выругалась, наступив на ветку, которая слишком громко хрустнула, испугав до седых волос, – откуда ты здесь взялась?

На секунду застыв, я прислушалась, но такой, казавшийся для меня оглушительным, звук никого не потревожил. Время близилось к полуночи, и жители выселок уже давно спали. Простояв так ещё немного времени, я снова направилась к выходу.

Покидать двор было страшно, сердце бешено колотилось, каждый шорох пугал. Замерев у калитки, я вновь долго прислушивалась, вглядываясь в чернильную темноту, набираясь смелости.

– Давай, хватит, – беззвучно прошептала, решительно толкая дверцу, и в который раз проверила, висит ли нож на пояске. От этого простого действия страх немного отступил, и я поспешила к лесу.

Выяснить верный путь до Выри не составило особого труда, Волыня была там на ярмарке однажды и, хвастаясь об этом, поведала мне весь путь. Правда, идти мне придётся по лесу, держась подальше от дороги, но заблудиться я не опасалась.

Покинула деревню без приключений, и даже злые собаки, охраняющие дворы, не издали ни звука. Выбравшись на тропинку, по которой мы с Агнешкой бегали до реки, я с облегчением вздохнула. До леса осталось немного, место присмотрено, скроюсь там до утра, а после в путь. Не бродить же по ночи, так и ноги переломать можно, и зверья здесь хватает непуганого. Через несколько минут я уже зашла под кроны величественных деревьев, оказавшись в ещё большей темноте. Со всех сторон на меня разом смотрели алчным взглядом дикие звери и чудовища, которые обычно скрываются за кустами. Опять ненадолго замерев, подождала, но не услышала ничего, кроме сверчков и шелеста листьев на макушках высоких деревьев. Прохлада ночного леса пробиралась под одежду, заставляя мелко дрожать. Неожиданно громкий крик ночной птицы, разорвав тишину леса, навёл на меня ещё большего страха.

– Надо было лучину подпалить, ни зги не видно, – бурчала себе под нос, переваливаясь через поваленное ветром дерево, мне казалось, что, разговаривая вслух, становилось не так страшно и одиноко, – теперь надо в реку зайти, чтобы следы не оставить.

Действуя, как заправский шпион, я стащила обувь и смело вступила в ледяную воду, от холода разом съёжившись. Хотелось быстро пересечь её, но я заставила себя идти всё дальше по руслу, осторожно шагая по дну, чтобы не наступить на скользкий камень. Если подверну ногу, придётся возвращаться в выселки, а второго шанса на побег у меня не будет. Пройдя, наверное, всего метров сто, я решила, что этого расстояния вполне достаточно и, с трудом выбравшись на берег, упала на траву, принялась растирать окоченелые ноги, тихо сама себе под нос ругая Богдана, пожелавшего вдруг на мне жениться, всеми известными бранными словами.

Спустя десять минут наконец боль отступила, к ногам вернулась чувствительность, и я снова отправилась в путь, прикидывая в уме, что до схрона осталось совсем немного, но нужно ещё завернуть к дереву с дуплом, где собран основной мешок в дорогу.

Идя в практически полной темноте, мне всюду мерещилась опасность, звуки ночного леса пугали, то и дело виделись дикие звери, что притаились где-то рядом и только и ждут момента, чтоб напасть... Но я упрямо шла вперёд, а увидев знакомое дерево, практически перешла на бег, надеясь, что тайник не был никем обнаружен.

– На месте, – с облегчением выдохнув, я оперлась спиной к дереву, на секунду закрыла глаза, прошептала, – осталось немного, и там уже отдохну.

Мысленно подбадривая себя, я снова отправилась в путь,

хотелось как можно быстрее оказаться в присмотренном местечке, там и дерево раскидистое, на котором удобно будет скоротать ночь. И шерстяная накидка, что укроет от ночной прохлады.

Чем ближе я подходила к небольшой полянке, где планировала переждать ночь, тем быстрее несли меня к ней ноги, радуясь скорому отдыху. Но не дойдя всего пару шагов до скрытой из виду тропинки, что выведет меня к ней, я резко остановилась. Сквозь тёмную чащу ночного леса свет небольшого костра на поляне был виден далеко.

– Неужто прознал кто, – пробормотала я, неверующе уставившись на отблеск пламени, и всё же решила подобраться поближе и выведать, кто таится на моей полянке.

Крадучись подступая всё ближе к свету, я видела расплывчатые тени, их было так много, что они казались одним большим тёмным пятном. Но радовало, что люди не таились и можно было подобраться, не опасаясь быть замеченной.

– За час до рассвета, когда самый лучший сон, – громко объявил мужчина, стоящий спиной к костру, – детей, девиц не трогаем. Увижу кто на девку залазит, сам прирежу!

– Ильшат, кровь взбунтует! – Возразил хриплый голос.

– Потетишь боем, – зло бросил в ответ мужчина, – после возьмёте одну.

С ужасом рассматривая не менее пяти десятков мужчин на поляне, не ведая, сколько ещё скрывается их среди дере-

вьев, я знала, что они собираются напасть на Ручейки, до них ближе всего. Довольные, весело посмеивающиеся разбойники совершенно не скрывались, уверенные в своей силе.

И лишь только комок, сдавивший горло, не дал охватившему меня ужасу вырваться наружу. Зажав рот ладонью, я слушала их смех, радостное оживление предстоящего подлого нападения на спящих людей и судорожно размышляла, какой путь выведет меня к выселкам быстрее всего.

Страхнув оцепенение, я осторожно сделала шаг, потом ещё один, отступив как можно дальше от поляны, кинулась к деревне, спеша предупредить людей. Бежала так, как будто за мной гнались, тяжёлый мешок бил по спине, но времени, чтобы отвязать его, у меня не было. Запинаясь о торчащие корни деревьев, падая и снова поднимаясь, не обращая внимание на ветки, которые хлестали по моему лицу, я рвалась к Силуану. Не могла позволить, чтобы маленькую Агнешку схватили, а глупую Волюню увели в рабство, и даже ненавистного Богдана было жалко, ведь мужчин эти нелюди оставлять в живых не будут.

В деревню влетела шумно, поднятой с земли палкой постучала по забору первого двора, разбудив спящего пса, тот уже своим лаем всполошил остальных. В конце улицы послышался резкий недовольный мужской окрик, рядом скрипнула чья-то дверь.

– Дядька Силуан! – закричала, кинулась во двор, задыхаясь от быстрого бега и усталости, – проснись! В лесу разбой-

ники!

– Малка! Ты чего орёшь на все выселки, – выскочил во двор кузнец, оторопело взирая на меня, – какие разбойники! Почто ты в таком виде? Позорить удумала!

– Дядька, после расскажу! – прервала кузнеца, скидывая наконец с себя мешок, – разбойники в лесу – много, хотят до рассвета напасть на Ручейки, детей и девиц на выданье схватить, животных угнать... дядька, они грабить и убивать идут.

– Малуша..., – запнулся мужик, с сомнением на меня поглядывая, – не привиделось тебе впотьмах?

– Нет! Не меньше пяти десятков на поляне, за деревьями лошади, – выпалила я, тихо добавив, – дядька Силуан, не обманываю, буди народ, а то...

– Поздно, Малушка... беги в дом, Бажену и детей поднимай, в лес уходите, – произнёс кузнец, глядя сквозь меня, тут же громко закричав, – Пожар! Люди! Пожар! Вороги!

Оборачиваться не стала, чтобы узнать, что же увидел дядька Силуан, раз поверил мне, достаточно было услышать топот лошадей и азартное гиканье... Они пришли раньше.

Глава 8

Услышав эти ужасные звуки, я не мешкая рванула в дом и громко закричала:

– Агнешка, Бажена, вороги напали! – на ходу скидывая в мешок припасы.

– Ты что шумишь! – Серdito рыкнула тётка, вскакивая с постели, поправляя задранную рубаху, – Силуану скажу, мигом дурь выбьет из тебя.

– Рот закрой! Быстро одевайся, возьми, чем прикрыться от ночной прохлады, и еды с собой собери немного! – отрезала, прекратив изображать недалёкую Малушку, – разбойники на выселки напали, времени нет! Собирай детей!

На удивление тётка хоть и выглядела потрясённой от вдруг переменившейся приبلуды, но всё же споро принялась собирать детей, делая это молча, опасно на меня поглядывая.

– Уходить надо к лесу, там можно будет скрыться, – скомандовала, вскинув руку, остановила ещё сонных детей, осторожно высунула голову за дверь. Увиденное мне не понравилось... Несколько домов в деревне уже горели. По улице с дикими воплями проносились всадники, рубили саблями, кололи копьями пытающихся сопротивляться, арканами ловили убегающих. Мужики выселок пытались скинуть их

вилами, жердями, кто-то размахивал саблей, но нападавших оказалось слишком много. Дед Желан с топором в руках отбивался у себя во дворе, и было ясно, что супротив двоих всадников ему не сдюжить.

– Идёмте все за мной, держимся стен дома, и ни звука, – прошептала, делая первый шаг. Сердце колотилось где-то в районе горла так громко, что казалось, оно заглушало страшные звуки кошмара, творившегося вокруг.

– Малуш, а Силуан где? – Тихо спросила Бажена, зажав рот ладонью, с ужасом взирая на происходящее. Разбойники словно забавлялись, гоня по улице визжащих детей и юных девушек, ловя их арканами. Не глядя, рубили головы дедам и старухам. Врывались в дома, где, перевернув всё вверх дном, вытаскивали всё самое ценное, что нашли, и поджигали их, переходя в следующие избы.

– Там, где-то..., – уклончиво ответила, продолжая двигаться, – молчи, и может нам удастся уйти незамеченными и спрятаться в лесу.

Казалось, мы двигались по двору слишком долго, вжимаясь в стены, вздрагивая от криков боли, женского визга и плача детей. Меня разрывало от ужаса и жалости к людям, которые сейчас гибли от алчности тварей, но помочь всем я не могла... Пробираясь всё дальше к небольшой калитке на заднем дворе, что вела в лес, я думала лишь об одном – спасти хотя бы их, а после...

Агнешка, Михась и остальная малышня испуганно тара-

щили свои глаза, но не издавали ни звука, идя следом за мной. Им было страшно, по щёчкам самого маленького текли слёзы, но он не отставал от старших братьев.

– Идём к Лубне, там валежника много, – почти беззвучно прошептала, но Бажена понятиливо кивнула, толкая калитку. Та тут же оглушительно скрипнула, заставляя нас всех разом втянуть голову в плечи и обернуться, но, скрытые за домом, мы не были замечены. Шагнув за забор первой, я настороженно осмотрелась, со страхом взглянув на поле метров сто, которое нам требовалось пересечь, прежде чем мы окажемся в лесу.

– Бегите! Что есть сил бегите, – прошептала, пихнув в спину Агнешку, я внимательно следила за деревней.

– А ты?

– Я после, за вами, – пообещала, ободряюще улыбнувшись девочке. Бажена, пристально на меня взглянув, медленно кивнула и, подхватив под руки самых маленьких, побежала. Дождавшись, когда они отдалятся хотя бы метров на пять, не заметив погони, я рванула следом, прикрывая собой старших детей.

Колосья ячменя больно кололись, норовя выткнуть глаза, но мы бежали, не останавливаясь. Михась, запнувшись, пробороздил носом землю, но не издал ни звука, быстро поднялся и рванул за матерью. Агнешка, вцепившись в его руку, всхлипнула, увидев, как из носа братишки бежит красная струйка, но тут же замолкла.

– Эй! – раздался за спиной громкий окрик. Он прозвучал очень близко, буквально над моей головой, и тут же моё тело обхватило верёвкой и дёрнуло назад.

– Бегите! – закричала что есть силы, заметив остановившихся детей, чувствуя, как меня забрасывают на лошадь, зарычала, – Козёл!

– Хороша, – цокнули надо мной, затягивая верёвку потуже, чтобы прекратила вырываться.

– Козёл! Урод! – хрипела, дёргаясь как гусеница, мешала ему проследовать за детьми... мне удалось, не сразу, но он повернул назад в деревню, сердито ударив меня по голове. От резкой боли и звона в ушах я тут же обмякла. И только спустя несколько минут мелькающие перед глазами мушки исчезли, боль притупилась, и где-то на краю сознания я поняла, что мы вернулись в деревню. Крик, ругань, визг, плач, запах крови и дыма – всё смешалось в чудовищную какофонию.

– Ааа, – оглушающе заорали рядом, и тут же мой пленитель, захрипев, повалился на землю, стаскивая меня за собой. От сильного удара у меня перехватило дыхание, голова разбойника разбила губу до крови, её солоноватый вкус быстро заполнил мой рот.

– Малуша, беги в лес! – крикнул Богдан, помогая мне подняться. С трудом понимая, что кричит мне парень, я, вцепившись в него, пыталась поймать равновесие. Голова кружилась, тошнота подступила к горлу, от запаха крови ужасно

мутило, а ноги отказывались держать.

– Беги, Малушенька! Спасайся, – легонько потрянул меня и вдруг захрипел... заваливаясь набок.

– Нет! Нет! – закричала, подхватывая выпавший из руки Богдана топор, я метнула его в ухмыляющегося нелюдя. Его изумлённые глаза, болезненная гримаса и предсмертный хрип придали мне силы. Непонятная ярость стала жечь изнутри, кровь вскипела, тело задрожало, спина выпрямилась, и я уже твёрдо стояла на ногах осматриваясь.

Они хватали все, что можно унести, гнали скотину, врывались в дома... Мужики, те, что ещё были живы, спасали свои семьи, закрывая собой. Но их было слишком много для небольшой деревни. Глядя на этот кошмар, я растерялась, не зная, куда кинуться, что делать. Женский испуганный крик, раздавшийся совсем рядом со мной, решил всё за меня.

Всадник в лохматой шапке на голове с радостным оскалом догнал двух убегающих женщин, пожилую и совсем ещё юную. И не раздумывая, рубанул саблей старуху, та, вскинув руки, повалилась на траву. А девушка... он прямо с седла прыгнул ей на спину, свалил на землю и, придавив коленом, принялся рвать на ней одежду.

От увиденного я с трудом сдержала крик и, до крови прокусив губу, дрожа всем телом, рванула к разбойнику. Мои глаза заволокло кровавой пеленой, невидяще я ударила насильника, потом ещё раз и ещё, вложив всю свою ненависть, всю свою ярость и весь свой гнев. Мужчина тут же рухнул

как подкошенный на Волюню, которая продолжала визжать и звать на помощь.

– Вставай! Да поднимайся ты! – рявкнула на девушку, потянув её за шиворот, рывком попыталась поднять на ноги, не забыв прихватить окровавленный топор Богдана.

– Малуш? – просипела та, наконец приходя в себя, зарыдала, – Малуша...

– Бежим в лес, надо уходить, – проговорила, потащив девушку за руку. Она вся тряслась, но сопротивляться, слава богу, перестала. Мы мчались к огородам, за ними начинались спасительные деревья. Проносясь мимо дома бабки Анисьи, едва не запнулись о безжизненное тело старухи. Она лежала у забора лицом вниз. Кровь из раны на шее забрызгала всё вокруг, смешалась с травой и землёй.

– Иии, – завопила Волюня, испуганно отпрянув от тела.

– Заткнись, услышат, – рыкнула, но было поздно. С гоготанием и смехом со двора бабки вылетели сразу три всадника и закружили вокруг нас. Озираясь как загнанный зверёк, я размахивала топором, чувствуя, что сил поднять тяжёлое оружие уже не было.

– С косой не трогать, хороша девка, – распорядился знакомый голос, довольно цокая.

– В лес! Беги в лес! – подтолкнув Волюню в спину, я кинула в одного из всадников топор, надеясь, что хотя бы девушке удастся спастись.

– Юзим! – закричал кто-то, следом раздался булькающий

звук и предсмертный хрип.

– «Третий», – мелькнуло в моём воспалённом мозгу, дальше додумать не успела, уплывая в спасительную темноту...

Глава 9

Пришла в себя от обжигающей пощёчины, злого окрика и надрывного женского плача. С трудом разлепив глаза, повиснув на чьих-то руках, я отметила, что всё ещё нахожусь в Ручейках.

– Стой! – Громко мне в лицо рявкнул мужик, хорошенько встряхнув за плечи, свирепо бросив, – кнута хочешь отведать!

– Стою! – Рыкнула в ответ, ошеломлённо уставившись на такого же удивлённого разбойника. Я говорила с ним на его языке, странно певучем и немного картавым. Как такое возможно? Откуда я его знаю? Он совершенно мне незнаком.

– В рабах была? – спросил мужчина, прервав лихорадочный поток моих мыслей, сделав для себя понятный вывод.

– Нет!

– Скажи им, чтобы встали ровно, – распорядился усатый, хмуро взглянув на меня.

– Зачем?

– Скажи!

– Велен, как ты? – тихо спросила, глядя на огромные заплаканные глаза девушки, игнорируя приказ надзирателя.

– Не успела, – всхлипнула та, – мамка с братьями скрылись, а меня у самого леса словили.

– Ничего, мы справимся, – ободряюще улыбнулась, тут же скривилась от боли, ранка на губе треснула и снова побежала кровь.

– Девка! Ты чего там говоришь? – зарычал, грубо пихнул меня в спину, разбойник.

– Малуш, ты понимаешь, чего он хочет? Он нас толкает и кричит всё время.

– Чтобы ровно выстроились, вязать будет, – мрачно проговорила я, кивнув на верёвку в руках мужика, и осмотрела пленниц, – девушки, постройтесь в ряд.

Двенадцать совсем молоденьких девочек, с заплаканными глазами, кто был с синяком на лице, кто с разбитой губой, как и я, все они молча, не поднимая взгляд, вытянулись в шеренгу. От этого у меня на душе стало ещё хуже, но сопротивляться им мы не в силах. С разбойниками не справились мужики выселок, куда уж нам, остаётся лишь следовать указаниям и думать.

Довольный послушанием нелюдь бодрой рысцой рванул к началу вереницы, принялся умелыми движениями стягивать руки девушек, сцепляя их между собой. Я встала в конце ряда, сразу за Веленой, и тихо спросила:

– Детей нет, куда их?

– Словили брата меньшого моего суженого, – снова всхлипнула девушка, – и двоих соседских, Любим с Богданом вызволили детей и к лесу их вывели. Остальных... не знаю.

– Богдан? Он жив? – обрадованно воскликнула, неверующе взглянув на Велену. Я же видела... столько крови было, он упал и больше не поднялся.

– Рука плетью висела и с головы кровь текла, но им удалось уйти от всадника.

– Ясно, – кивнула, с ненавистью взглянув на нашу охрану, их было больше двадцати, и они внимательно следили за нами.

В этот ужасный день я сполна насмотрелась на зверства нелюдей. Мне никогда не забыть пробитую длинной стрелой просто так, ради забавы, Ядвига у сарая. Не забыть смерть деда Желана и бабки Анисьи. Сожжённые дома деревни. Мне никогда не забыть всех ужасов этого дня. И никогда не простить!

– Пошли! – скомандовал голос, тот самый, что наставлял своих людей на грабежи и убийства невинных. Найдя его взглядом, я пытливо всматривалась в каждую чёрточку его лица, стараясь запомнить, чтобы потом, когда придёт время, сполна вернуть всё то, что он сотворил в выселках.

– Малуш! – окликнула меня Велена, и я тут же почувствовала, как руки, связанные верёвкой, дёрнулись.

Мы шли уже три дня. С каждым днём идти становилось всё тяжелее, солнце пекло немилосердно, а скрыться в тени на равнине, по которой мы шли, было негде.

Отдыхать не давали, еды и воды тоже. Лишь на ночных

стоянках нам выделяли немного воды и жидкой похлёбки, чтобы не умерли от голода и жажды. Мы шли, связанные по шесть и семь человек, друг за другом. Шли, пошатываясь, словно пьяные, из последних сил, только бы не упасть. Падать нельзя. Упадёшь – будут бить плетью, заставят подняться. Не встанешь – добьют без жалости. Добрана... не смогла. Помочь ей нас не подпускали, и девушка так и осталась лежать сломанной куклой на дороге.

– Велен, держись, – прошептала потрескавшимися губами, подхватывая девушку под руку.

– Сил нет, упасть – и закончится всё, – безжизненным голосом прохрипела, снова запнувшись.

– Скоро ночь, и мы отдохнём.

Измученная жаждой девушка мне не ответила. И я снова, с трудом приподняв голову, прищурившись, попыталась найти среди всадников их старшего. Но он покинул нас сразу, как только мы ушли из деревни, и пока не появлялся. С нами осталось меньше половины его людей, глупые, жадные, они не хотели слушать меня и только смеялись. Благо хоть не трогали девушек, опасаясь наказания Ильшата.

– Бекташ..., – прохрипела, вновь обращаясь к одному из надзирателей, к тому, кто остался за главного здесь. Но всадник, что следовал рядом с нами, даже головы не повернул, – если ты не дашь девушкам воды, они умрут, Ильшат появится и не увидит свой товар, как ты думаешь, что он с вами сделает?

С трудом проговорив это, я надолго замолчала, во рту пересохло, горло раздирало от сухости, а голова немилосердно болела. Но мужчина, как всегда, на мои слова никак не отреагировал, словно меня и не было. И только когда на небе зажглись звёзды, мы подошли к краю леса, устало падая на землю, ползли под глумливый смех к чашке с водой. Её было так мало, что хватило лишь сделать пару крохотных глотков на всех.

Нас опять согнали в кучу на краю лагеря, чтобы были под присмотром. Кто-то из девушек, скрутившись в комочек, пытался заснуть, испуганно вздрагивая от каждого звука. Кто-то тихо всхлипывал, стараясь громкими рыданиями не раздражать охрану.

Я и Всемила, откинувшись спиной на ствол дерева, смотрели на яркое пламя костра, озаряющее тёмный лагерь. Лес здесь был редкий, с чахлыми берёзками, тополями и акациями; сквозь кроны деревьев были видны звёзды, их мерцание странным образом успокаивало; полная луна с сочувствием смотрела на нас сверху, её серебряный свет окрасил всё вокруг, превращая мир возле нас в волшебную сказку. И если бы не мучившая нас жажда, боль в уставших ногах и нелюди, поглядывающие с жадной похотью на нас, можно было в полной мере насладиться этим чудесным временем.

– Малуш, а правда, что ты Богдана ударила? – тихо спросила Заряна, сидевшая всего в шаге от нас.

– Да, было дело, – хмыкнула, попыталась представить его

изумлённое лицо, но не смогла вспомнить, перед глазами мелькали лишь вытоптанная дорожка под ногами и сгорбившиеся спины девушек.

– Надо было и мне Могута стукнуть, глядишь, и посватался бы.

– Да, – коротко ответила, стиснув зубы до скрежета от вновь накатившей на меня дикой ярости.

– Ты не слышала, куда нас ведут?

– Хм... гриб, как думаешь, его можно есть сырым? – проворчала я, не ответив на вопрос Заряны, и, сорвав небольшую белую шляпку, принялась её рассматривать. Уж очень она напоминает бледную поганку, смертельно ядовитый гриб из рода мухоморов. Съешь кусочек – и «приятные» ощущения перед кончиной обеспечены, конечно, если вовремя не принять меры. А если грибочков будет много...

– Ты чего, выбрось, это ж поганка, – обеспокоенно прошипела Всеслава, – и варить её нельзя, отравишься.

– А вот ещё один, а там под кустом, по-моему, тоже парочка растёт, – задумчиво проговорила, срывая белые шляпки, я быстро их прятала за пазуху.

– Ты чего замыслила, травиться? Нельзя, Малуш, боги накажут.

– Не себя, и тихо, – проговорила, судорожно размышляя, как это сделать. Котёл с варевом давно кипел, и разбойники кружком сидели вокруг него в ожидании готовности мясной похлёбки, от аромата которой у девушек давно жгу-

том скрутился желудок, и, казалось, что мы вот-вот рухнем в голодный обморок.

– Малуш? – Вопросительно прошептала Заряна, с недоумением посмотрев на меня, но тут же понятливо замолчала. Всеслава же девкой была бойкой и мигом смекнула, что я задумала, она понимающе кивнула, сорвав ещё один поганенький, что скрылся среди травы.

– Надо бы диверсию устроить, – тихо сказала, как только вернулась из кустиков, где надрала ещё пять таких. На ночь нам верёвку удлинляли так, чтобы мы могли отходить по своим делам подальше от лагеря. И это нам сейчас оказалось очень кстати.

– Чего?

– Шум нужен, чтобы отвлеклись, а я уж как-нибудь брошу в котёл грибочков, – зловеще прошипела, украдкой поглядывая на Бекташа, неизменного охранника. Он, услышав взволнованный шёпот, покосился в нашу сторону, подозрительно сощурился. Срочно пришлось изображать всеобщее горе, скрывая предвкушающую улыбку.

– Сейчас девочкам скажу, – беззвучно произнесла Всеслава, осторожно, будто невзначай, подползая к Велене, через пять минут цепочка сообщений успешно завершилась. И уже через секунду по невидимому знаку Всеславы девушки разом заголосили, бросившись в разные стороны.

Мужчины, всполошившись от внезапно оглушительного визга, первые секунды попросту вскочили на ноги, остолбе-

нев истуканами, и не знали, что делать. Но это продлилось недолго, и вскоре у котла никого не оказалось. Не глядя под ноги, я бросилась к нему, на ходу вытаскивая поганки из-за пазухи, и, не останавливаясь ни на мгновение, бросила в варево две горсти скомканных грибов.

Через десять минут зарёванные, некоторые с разбитыми губами, девушки были привязаны короткой верёвкой друг к другу. Но получив на свой молчаливый вопрос мой утвердительный кивок, склонили головы, скрывая счастливые улыбки. Теперь нам осталось только ждать...

Глава 10

Это случилось под утро, когда мы, измученные ожиданием, забылись беспокойным сном. Рассвет ещё не наступил, но первые лучи приближающегося дня уже успели рассеять ночной мрак.

– Малуша, кажись, стонут, – прошептала мне прямо в ухо Всеслава, чуть тронув за плечо.

– Началось?

– Час назад первый убежал за кусты, – тихо хихикнула девушка, – после следом ещё пять.

– Остальные?

– Спят, – коротко ответила, кивнув в сторону охраны, – этот уже вернулся, видишь, морщится.

– Угу, – злорадно усмехнулась. Жалости к разбойникам у меня не было, наоборот, во мне проснулись необузданная ненависть и ярость, мне хотелось, чтобы они испытывали муки как можно сильнее. Мои кровожадные мысли были настолько пугающие, что, осознав это, я с отчаянием взглянула на измученную, с кровоподтёком под глазом Всеславу, с разбитой губой Зарянку, которая, сжавшись в комочек, пыталась согреться, и мысленно повторяла сама себе: «Всё правильно. Они виноваты».

– Ещё пошли, – прекратила девушка моё самобичевание,

указывая на пятерых мужчин, спешно скрывающихся в сумраке леса.

– Как долго они продержатся, – глухо прошептала, наблюдая за корчившимися от боли мужчинами. Ещё троих рвало у самого кострища, четверо, скрючившись чуть ли не вдвое, тихо стонали под кустом.

В этот день мы никуда не пошли и на следующий тоже. Измученные разбойники к обеду первого дня шатались, словно пьяные, по кустам уже не так часто бегали, потому как нечем было. Глядя на их мучения, не только я злорадно усмехнулась, девушки словно ожили, и даже жажда и голод теперь не так беспокоили их. Через некоторое время, оставшись без строгого пригляда, Всеслава организовала освобождения от верёвок, где-то умудрившись достать нож. Возможно, он отвязался или выпал, когда один из мужчин рухнул как подкошенный у ног Заряны. Велена раздобыла немного вяленого мяса и, медленно прожёвывая твёрдое, волокнистое нечто, мы внимательно следили за неминуемым исходом и ждали.

– Надо бежать, – прошептала одна из девушек, пряча, как и все мы, освобождённые руки у себя за спиной.

– Надо, но те семь ещё пока стоят на ногах.

– Подождём до вечера?

– Наверное, – нерешительно кивнула, уворачиваясь от летящего в бок полена. Озлобленные болью из-за своей беспомощности, те, кто ещё держался на ногах, проходя мимо, всегда старались выместить свою ярость и обиду на девуш-

ках. Утешает то, что наш отказ от похлёбки в тот день и их отравление мужчины между собой не связали.

Только к ночи вторых суток обессиленные разбойники, те, что дольше всех продержались на ногах, утомонились, упав кто где стоял, и едва слышно постанывали. Девушки давно освободили руки и выжидали, когда же можно будет покинуть это ужасное место и оказаться подальше от своих пленителей.

– Берём еду, накидки, ёмкости под воду, котелок, тот, что поменьше, и оружие, – дала команду измученным ожиданием девчонкам.

И сразу, стоило мне закончить говорить, каждая рванула к давно примеченным мешкам с припасами и всем необходимым в дальнюю дорогу, стараясь бесшумно двигаться, чтобы не потревожить обессиленных разбойников.

Уходили от лагеря так же бесшумно, ведя за собой лошадей, мы двигались к реке, которая пряталась в глубине леса, сводя с ума своим журчанием измученных жаждой девушек.

– Всеслава, надо сегодня уйти как можно дальше от лагеря, вы как, выдюжите?

– Должны, Малуша, понимаем же, что в этом наше спасение.

– Хорошо, – кивнула, с трудом переступая ногами, – вниз по реке пойдём, надо следы нашего ухода скрыть.

– Ты думаешь, там кто выживет?

– Надеюсь, что нет, – зло усмехнулась, – но Ильшат где-

то рядом, их главный, и он сможет нас найти.

– Но вниз по реке это дальше от дома, – с недоумением проговорила Велена, устроившись рядом с нами.

– Знаю, Ильшат будет уверен, что мы сразу пойдём в выселки, и отправится вверх по течению.

Девушки в ответ на моё объяснение промолчали, приняв как должное, им нужен был кто-то, кто принимал бы решение, и, негласно выбрав меня, беспрекословно слушались.

Спускались к реке уже далеко за полночь, идти по ночному лесу таким составом было не так боязно. И пусть неожиданно громкое уханье совы или вой какого-то животного в опасной близости от нас навевали страха, мы, выстроившись по трое, упрямо продолжали свой путь. Запинаясь о торчащие корни деревьев, попадая ногами в ямы, цепляясь подолами за колючие ветки кустов и травы, радовались как дети каждому пройденному шагу.

– Девочки, набираем воды и идём дальше, – скомандовала я, спускаясь по пологому берегу к воде, – выдержите?

– Да, – почти хором ответили измученные девушки, поспешили к живительной влаге.

Вскоре все одиннадцать красавиц шумно плескались в реке, я тоже от них не отставала, ополоснув лицо и шею холодной водой, я с наслаждением откинулась на траву, мечтая лишь об одном – уснуть на тёплой мягкой постели. А проснуться в доме, где есть электричество, где на кухне из крана бежит вода, а в ванной можно помыться, стоя под ду-

шем. После выпить чашку горячего кофе и съесть бутерброд с колбасой, забраться на диван с ногами и смотреть фильм с незапоминающимся сюжетом.

– Идём, Малуш, – тихо позвала меня Всеслава. Нависнув надо мной, она с сочувствием на меня поглядывала.

– Да, пора.

Ступать в холодную воду реки не хотелось, но пришлось. Показав пример, я подобрала подол платья, задрав его почти до самого колена, вцепившись в лошадь, на удивление смиренную, я сделала первый шаг, почувствовав, как холодная вода, окатив ноги по самую щиколотку, взбодрила меня.

– Осторожно ступайте, здесь камни скользкие, пройдем метров двести и выберемся на берег.

Мы прошли по воде примерно метров триста, вода была не столь холодна, как в реке у выселок, дно местами песчаное, а течение слабое. Выбравшись на противоположный берег там, где среди густого ельника виднелась ровная полянка, мы сделали небольшой привал, чтобы достать по куску вяленого мяса, выпить воды и обуться.

– Малуша, сколько нам ещё? Ноги совсем не держат, – устало проговорила Заряна, почти повиснув на своём пегом.

– Давайте метров сто отойдем от реки, нужно найти ровную поляну, скрытую деревьями.

– Хорошо, – кивнула девушка, первой отправившись к небольшой проплешине среди колючих кустов.

Лишь только к утру мы наконец сделали остановку. Най-

дя ровную полянку, скрытую с одной стороны небольшим взгорком, с другой – непролазной чащей, привязав лошадей к деревьям, мы обессиленно попадали, кто где стоял. Поставившая, вытянули уставшие от долгого хождения ноги, счастливо переглянулись.

– Вы спите, я покараулю, – с улыбкой проговорила, чувствуя ответственность за девчонок.

– А ты как же? – обеспокоенно спросила Всеслава.

– Я разбуджу тебя через пару часов.

– Хорошо, – пробормотала девушка, засыпая ещё до того, как её голова коснулась скрученного мешка, заменившего ей подушку. Через пять минут в предрассветной тишине, среди трелей ранних пичуг, шелеста листьев кудрявых берёз, раздавалось сонное мирное сопение измученных девчонок.

Я же, откинувшись спиной на ствол могучего дерева, прислушивалась к звукам пробуждающегося леса. Ещё сонный, он будто бы нехотя застонал, завыл. Загадочный, сверкающий росой, подёрнутый туманной дымкой у корней деревьев. Лучи солнца освещали верхушки кустов, поднимая от влажной земли изящные завитки пара, распространявшие вокруг восхитительный аромат леса. Пахло свежестью и утренней прохладой, тёплый ветерок откуда-то принёс сладкий аромат земляники, хвои и прелой травы. С наслаждением впитав приятный, наполненный тонкими благоуханиями леса и опьяняющий своей чистотой воздух, я позволила себе немного расслабиться.

Глава 11

Спустя несколько утомительных часов, когда мои глаза окончательно отказывались открываться, меня сменила на посту охраны Всеслава, а я погрузилась в беспокойный сон, в котором всё время от кого-то убегала и пряталась. Но видно, мне всё же удалось отключиться на какое-то время, раз я не услышала, что все девушки уже давно поднялись, собрали хворост и даже успели приготовить еду. От восхитительного аромата мясной похлёбки я и проснулась.

– Ещё утро или вечер? – спросила у Велены, которая сидела рядом со мной, отпивая из чашки горячий бульон.

– Вечереет, пора идти?

– Да, нам не стоит задерживаться долго на одном месте.

– Ступай поешь, Всеслава птицу поймала.

– Да? – удивилась, с трудом поднимаясь с подстилки, чувствуя, как каждая часть моего тела затекла, а боль в мышцах отдавала аж в голове.

– Лук у разбойников прихватила, её старшой братец управлять им научил.

– Отличное умение и очень нужное, – согласилась с Веленой, направляясь к костру.

Сидящие вокруг него девчонки, заметив моё приближение, быстро сдвинулись, освобождая место. Заряна набрала

полную мискубульона и отломил большой кусок мяса.

– Вкусно очень, – произнесла я, сделав маленький глоток горячей жидкости, и с наслаждением прикрыла глаза, чувствуя, как тёплая волна прокатилась по моему телу, насыщая, утоляя жажду и согревая.

– Сейчас отвар готовится, чтобы сил прибавилось, и можно идти, – проговорила Млада, самая младшая среди нас, – Голуба собрала недалече.

– Вы молодцы, – похвалила девушек, которые не поддались панике, помогали друг другу кто чем может и умеет.

– Мы запасы проверили, вяленого мяса немного осталось, крупа имеется, можно завтра кашу сварить, соль ещё есть.

– Вяленое будем жевать при переходе, чтобы время на готовку не тратить.

– Малуша, мы ночь идти будем?

– Немного. Нам бы отойти подальше от того лагеря, – задумчиво протянула, отпивая из чашки, – сегодня до полуночи и сделаем стоянку.

– Птицу бы к вечеру поймать, – проговорила Всеслава, подкидывая хворост в костёр, над которым висел небольшой котелок с закипающей в нем водой для отвара. Повеселевший от множества сухоньких дровишек, огонь вырос почти вдвое, разгоняя вечерний сумрак, который в лесу наступает намного раньше.

– Далеко уходить не стоит, а идти будем – всю живность распугаем, – заметила Заряна.

– И то верно.

– Может, грибов собрать?

– Нее, – разом воскликнули несколько девушек, невольно вздрогнув, видно, вспомнили недавнее в лагере.

Через полчаса, выпив бодрящего отвара, мы затушили костёр и, собрав вещи, снова отправились в путь. Хотелось до наступления темноты пройти как можно дальше, не беспокоясь об опасностях, подстерегающих нас в лесу.

Двигаясь цепочкой вдоль берега реки, мы вскоре обнаружили, что она сужается до ручья, а затем и вовсе теряется в похожей на губку зелёной трясине болота, в которую мы стали проваливаться по щиколотку.

– Болото, – недовольно произнесла очевидное Велена, обходя обычную на вид кочку, потом другую, вполголоса будто размышляя, добавила, – поворачивать надо.

– Крюк снова делаем, – сердито буркнула Заряна, звонко прибив комара у себя на щеке.

– Уж лучше так, чем увязнуть в трясине, – заворчала Младка, поворачивая гривастую, низкорослую гнедую кобылку в противоположную сторону, увеличивая и так неблизкое расстояние, отделявшее нас от выселок.

– К тем деревьям идём, они крепкие, а значит нет там трясины, – сказала Всеслава, указывая рукой в нужном направлении.

Только к полуночи мы выбрались из топкого места на небольшой взгорок, покрытый жухлой, блёклой травой, но

ещё долго нас сопровождал неприятный тошнотворный запах болот – гнили, тины и прелой травы.

Найдя удобное место для стоянки, Всеслава умелыми и привычными движениями запалила пару хворостин, и игривое пламя осветило наш небольшой лагерь, прогоняя темноту прочь. Заряна установила над ним котёл, дождавшись, когда закипит вода, бросила в него горсть собранной по дороге ягоды морошки и чуть подсохшей смородины, туда же кинула жухлые листочки и неизвестную мне траву. И уже через минуту по лагерю пронёсся потрясающий аромат травяного чая. Остатки птицы мы разделили между собой и, медленно жуя, молчаливо смотрели на костёр, который то потухал, покрываясь сединой пепла, то подмигивал красными глазами углей...

Минули вторые сутки нашего скитания, а на исходе третьих мы наконец выбрались из леса, но выходить на холмистую равнину, которая перемежалась небольшими рощичами тонких деревьев, не спешили.

– Не узнаю место, не шли мы здесь, – задумчиво протянула Всеслава, всматриваясь в вечерний сумрак.

– Да и мне оно незнакомо, – согласилась я, взглянув на девушек, – что делать будем?

– Ночь, думаю, надо в лесу скоротать, а утром выйдем, должны же быть здесь поселения, там и узнаем, где наши Ручейки.

– Тогда до наступления темноты надо кашу приготовить,

с равнины дым от костра, да и пламя, будет хорошо видно, – подытожила я, поворачивая свою гнедую обратно к спасительным деревьям.

В эту ночь, последнюю в лесу, мы долго не могли заснуть. Тревожные мысли о том, что скоро нас не будет скрывать и хранить лес, не давали покоя. Всем было страшно: а вдруг за одним из пологих холмов нас поджидает Ильшат и его люди. Мы почти до самого утра просидели у потухшего костра, вслушиваясь в уже ставшие привычными звуки: перекрикивания птиц, стрекот сверчков, гавканье и вой животных, писк мышей, шорох травы и шелест листьев, и, чтобы хоть как-то отвлечься от тягостных дум, мечтали.

– Мама поди уже воротилась, – прошептала Млада, срывая травинки рядом с собой, собирая их в маленький стожок, – вернусь – пирогов с ягодой напеку.

– Я видела, как отец сестричек и маму в лес увёл, значит спаслись, – тихо добавила Голуба, – вот рады будут, когда меня увидят, я самая старшая, мамке помощница.

– А я спать буду три дня, – заявила Зарянка, тихо рассмеявшись, – сил нет, закрывать глаза боюсь.

– А ты, Малуш?

– Я? Не знаю ещё, не думала, – неопределённо пожала плечами, прикрывая глаза, под неспешное бормотание девушек мне всё же удалось уснуть.

Проснулась от яркого лучика солнца, пробившегося сквозь неплотную листву деревьев и нагло ползающему по

моему лицу. Всеслава и Голуба уже поднялись и колдовали над котелком, Заряна что-то во сне бормотала, то и дело вздрагивая, но не пробуждалась.

– Доброе утро, – поприветствовала девчонок, прежде чем скрыться за кустом. Справившись с делами, я немного прошла в сторону равнины и, не доходя края леса, ненадолго замерла. Предутренняя зорька румянила небо, огромная, поросшая травой дикая равнина уходила вдаль за горизонт. Над ней маленькие быстрокрылые птицы металась в поисках чем поживиться, а в высокой сухой траве, купаясь в ярких лучах солнца, порхали крошечные насекомые.

– Едем, Малуша? – раздался тихий голос Велены, замершей рядом со мной. Она тоже с тревогой смотрела на ровное поле, которое нам нужно пересечь.

– Да, – коротко ответила, сделав глубокий вдох, пытаюсь успокоить вдруг бешено заколотившееся сердце.

Выдвинулись через час. Медленно, цепочкой выбираясь из леса, мы прижались всем телом к своим четвероногим друзьям, стараясь слиться с ними воедино, стать как можно незаметнее. Не подгоняя лошадей, зная, что им потребуются отдых, мы берегли силы животных, не спеша продвигаясь всё дальше. И только к вечеру выбрались на знакомую дорогу, Голуба загодя заметила место, где нас размещали на ночную стоянку. Следы лагеря не успело смыть дождём, а привязанная к ветке дерева лента Велены красным пламенем горела в заходящем солнце. Обрадованные, что на вер-

ном пути, мы устремились вдоль вытоптанной дороги, спеша оказаться дома. И нам почти удалось пересечь ярко-жёлтое поле, чтобы укрыться в редком лесочке на ночь...

Глава 12

– Малуш! За спиной! – испуганно закричала Всеслава, в одно мгновение оказавшись рядом со мной, она беспомощно смотрела на меня.

Обернувшись, я с трудом различила около трёх десятков всадников, которые спешили в нашу сторону, кто это был невозможно разобрать, но хорошего я от этой встречи не ждала. Слишком уж быстро они к нам приближались... И возвратиться в лес мы уже не успеем, нас заметили и наверняка отрежут путь.

– К холму! Быстро! – громко выкрикнула, махнув в сторону небольшой возвышенности, на вершине которой была насыпь камней.

Девушки не мешкая послушно развернули коней и, прищипав их, устремились в указанную сторону. Я шла замыкающей, сжав ногами бока лошади, ощутила, как она тут же перешла в галоп, набирая скорость.

Казалось, мы обгоняли ветер, но преследующие нас всадники неминуемо приближались. Не требовалось оборачиваться, чтобы удостовериться в этом, до нас доносился радостный крик охотника, загоняющего свою добычу.

– Ильшат, будь ты проклят! – процедила я сквозь зубы, вжимаясь в каурую, и неотступно следила, чтобы никто из

девушек не отстал.

– Малуш, что дальше? – прокричала Велена, первой оказавшаяся на холме.

– Камни! Готовьте камни! Всеслава, а ты – лук, сверху нам будет удобней отбиться, главное – близко не подпускать!

– Малуш! Там войско! Много!

– Что? Где! – прокричала я, взлетая на холм, и действительно увидела невдалеке лагерь, – Голуба, думаешь, наши?

– Знамя вижу, да и не похожи они на этих.

– Тогда вперёд, девочки! – скомандовала, и мы рванули туда, где надеялись найти спасение.

– За нами Ильшат! Они близко! – взвизгнула Младка, пришпорив коня, обошла Голубу и вырвалась вперёд.

– Не оглядывайтесь! – пронзительно закричала, понукая свою каурую, – Всеслава, прижмись!

Девушки, то и дело подстёгивая лошадей, хотя те и без того летели во весь опор, подняли крик на всю равнину, моля о спасении! Нас услышали, лагерь, словно потревоженный улей, засуетился, заворочался, несколько воинов взлетели на коней и рванули к нам навстречу. Дико храпя, наши лошади мчались бешеным галопом, словно тоже спасались от преследователей.

Я не сразу заметила, что мой конь захромал... Сжав руками поводья настолько крепко, что побелели костяшки пальцев, я постаралась слиться с лошастью воедино, повторяя словно мантру, шептала:

– Родная, выведи. Не дай попасть в лапы зверю...

Но девушки всё больше удалялись от меня, а за спиной уже отчётливо слышался лошадиный храп и топот копыт, казалось, даже земля содрогалась... Взлетев вверх, через секунду я уже лежала в пыли, на мгновение задохнувшись от боли, стиснув зубы до скрежета, стала подниматься, но второй удар снова поверг меня на землю. А следом я услышала, как рассёк воздух крепкий аркан, обхватывая мои плечи и руки.

– Малуша! – громко закричала Всеслава. Обернувшись, я увидела, как девушки врезались в небольшой отряд, скрываясь за спинами воинов. Видела, как часть людей Ильшата, рассредоточившись по равнине, готовились к бою. Но чем всё это закончилось, я уже не ведала, меня рывком подняли на ноги, и, закинув на лошадь, пустили животное в галоп.

Оказавшись висящей поперёк конского туловища вниз головой, я отчаянно сопротивлялась, била лошадь ногами, но резкий удар по затылку мгновенно меня успокоил, погружая в непроглядную темноту.

Очнулась привязанной к столбу. Голова нещадно болела, во рту пересохло, а бок саднил. Попытка сдвинуться не увенчалась успехом, слишком туго сдавливала моё тело верёвка. Несколько раз дёрнув её, почувствовав, как она врезается в тело, я на время успокоилась и решила осмотреться.

– Пей! – неожиданно приказал женский голос, ткнув мне в руки чашку с водой.

– Спасибо, – с усмешкой бросила я и, выпив всё до капли, изучающим взглядом посмотрела на благодетельницу. Невысокая, загорелая, лет сорока женщина, с недовольным лицом и взглядом, полным ненависти.

– Зря всё выпила, больше не принесу, – довольно оскалилась она, показав во всей красе коричневые зубы.

– Тогда я умру от жажды, и твой хозяин не сможет меня продать.

– Ты знаешь наш язык? Беглая? – удивлённо воскликнула женщина, испуганно отпрянув.

– Угу, зарезала пятерых господинов, – зловеще прошептала, щёлкнув зубами, тут же с трудом сдержала гримасу боли, отозвавшейся в голове. Я, мысленно выругавшись на себя за глупую театральность, смотрела вслед убегающей женщине, пока та не скрылась в юрте.

– Хм... кажется, я в стане, – прошептала, с удивлением оглядываясь. Вокруг столба, где меня с «удобством» разместили, стояли несколько белых и чёрных юрт, между ними сновали люди, где-то совсем недалеко слышалось жалобное блеяние баранов. Рядом с жильём варили мясо в больших закопчённых котлах, и к небу тянулись струйки серого дыма. Ребятня убегала от двух маленьких лобастых щенят, дразня их полуобглоданной костью.

«Дети везде одинаковы» – мысленно хмыкнула, откинув голову на столб, прикрыла глаза в ожидании своей участи, надеясь, что долго ждать мне не придётся.

За весь день ко мне больше так и не подошли, солнце нещадно припекало, я мучилась от жажды, но ни один человек, оказавшийся рядом, даже не посмотрел в мою сторону. А два мелких гадёныша ещё и поиздевались, медленной струйкой вылив прямо передо мной пиалу с водой. Правда, тут же отхватили от невысокого худосочного мужчины, который пинками погнал поганцев в рядом стоящую юрту.

А ближе к вечеру всё стойбище пировало. Мужчины уселись между юртами на ровно вытоптанной полянке, а женщины хлопотали у костров. Озарённые красными отблесками пламени, принарядившись в меховые шапки, нацепив на себя немало металлических подвесок, они большими ложками накладывали куски мяса в деревянные и глиняные миски.

Мужчины довольно поглаживали свои бороды, поглядывая на служанок, совсем молоденьких девчонок, которые разносили тарелки с мясом. Их женщины будто были рады тому, что внимание мужчин обращено не на них, весело посмеивались.

Наблюдая за жизнью кочевников, глотая слюну от витающего аромата отварного мяса, я не сразу заметила приближение девушки, которая, не прекращая оглядываться, быстро, стараясь сделать это незаметно, бросила мне в ноги небольшой свёрток.

– Спасибо, – беззвучно прошептала, осторожно, не делая резких движений, я развернула ткань, в которую был завернут маленький шмат мяса, его я тут же умяла, практически

не жуя.

Ко мне пришли только утром. Ильшат, нависнув надо мной, чуть склонив голову, изучающе осмотрел меня, прежде чем соизволил проговорить:

– Поднимайся.

– Зачем? Мстить будешь?

– Молчи и делай, что велено! – Рыкнул мужчина, холодно сверкнув своими глазами, смачно сплюнув в пыль, зло бросил, – мужчины, не справившиеся с кучкой слабых женщин, недостойны лёгкой смерти. Поднимайся!

– Не могу, ноги не держат, со вчерашнего дня воды ни капли не выпила, – нахально заявила, продолжая сидеть.

– Ата!

– Давала воды ей, врёт! – тут же взвизгнула та самая женщина с коричневыми зубами, выглянув из юрты.

– Один раз, крохотную пиалу, – язвительно проговорила я, тут же добавив, – если употреблять мало воды, то кожа становится сухой и появляются морщины, лицо станет сморщенным и некрасивым, а волосы выпадут.

– Ата! Воды неси, – зло рявкнул Ильшат, подозрительно на меня посмотрев.

– И для мытья тоже, песок и грязь испортит всю красоту на лице, – дерзко прибавила, хотя внутри меня всё сжималось от страха, но я надеялась, что нужна этому Ильшату, чтобы продать подороже, поэтому постараюсь выторговать себе комфорт.

– Делай, что сказала эта, – распорядился мужчина, недовольно зыркнув в мою сторону.

Спустя два часа я, умытая, сытая и напившаяся тёплой затхлой воды до икоты, сидела на смиренной кобылке, привязанной к гнедому Ильшата, и двигалась по узкой, покрытой чахлой травой дороге, которая петляла среди поросших кустарником и редким лесом невысоких холмов.

Глава 13

– Куда ты меня везёшь? Слушай, может себе оставишь? Я многое знаю, помогу разбогатеть, – наверное в тысячный раз произнесла, но Ильшат и трое его людей снова проигнорировали меня. Сердито зыркнув на неразговорчивых конвоиров, которые могли лишь раздавать приказы, я устремила свой взор на окружающий нас вид.

Сочная зелень, сладкий аромат цветов, а вдали вздымались до небес горы, могучие, суровые. И можно было лишь только догадываться по жаркому солнышку и пышной зелени, что двигаемся мы к югу. Я бывала там с родителями и братьями каждое лето и, предположив, что я очутилась в прошлом, было бы интересно взглянуть на те места... если конечно удастся.

– Ильшат, мы приближаемся к морю?

– В Кафу, – соизволил ответить мужчина, даже не повернув голову в мою сторону.

– Хм... Кафа это Феодосия, – пробормотала себе под нос, судорожно вспоминая всё, что о ней я знала, – мы же дважды ходили с Сашкой в музей. Кафа вроде бы считалась генуэзской колонией и главным рынком рабов на Чёрном море... или это не сейчас, пока она ещё принадлежит татарам?

– Наместник Юзим пожелал видеть в своём гареме пре-

красную беловолосую гурию, – сказал Ильшат, на удивление став словоохотливым. Может, сердиться прекратил после моей неудачной и глупой попытки побега, – ты стара, но лицом красива и язык знаешь. Пугливой ланью прятаться не будешь, а наместнику, по слухам, нравится объезжать норовистых кобылок.

– Мне девятнадцать зим, он не купит меня.

– Скажу четырнадцать, ты хрупкая словно цветок.

– А я скажу, что ты обманул его.

– Юзим сильный и мудрый муж, он не будет тебя слушать, – возразил Ильшат, тем самым прервав наш разговор, и больше ни слова не сказал до самого вечера.

На ночной стоянке, сидя у костра, я долго смотрела, как пламя жадно пожирало брошенные в него ветки и думала. Сбежать по дороге не удалось, уже через метров пятьсот меня нагнал взбешённый Ильшат, наотмашь ударив по лицу так, что я слетела с лошади и больно ударилась плечом о камень.

Попытаться ещё раз? Теперь сделать это лучше на рассвете и пешком, ползком скрываться среди густой зелени? Но видно, Ильшат, заметив что-то на моём лице, перед тем как улечься спать, стянул мои руки за спиной сыромятным ремнём, а ноги верёвкой и привязал к себе.

– Козёл... – прошипела, обессиленно упав на подстилку. Я смотрела на яркие звёзды, пытаюсь вспомнить лица братьев, но не смогла. Лишь на миг мелькнули их глаза, так по-

хожие на мамины, и всё подёрнулось туманом.

– Я справлюсь, обещаю, – беззвучно прошептала, смигивая слёзы, невидящим взглядом смотрела на чернильное небо, нависающее над нашим лагерем, с мигающими на нём огоньками.

Мы ехали уже более трёх недель, дорога стала понижаться, а небольшие порывы ветра стали всё чаще приносить запахи моря. Неожиданно за крутым поворотом перед нами возникли невысокие каменные сооружения, больше похожие на землянки, куцые кусты у двора и люди – шумные, загорелые. Женщины неспешно занималась хозяйственными делами: кто стирал тут же на улице, разбрызгивая грязную воду прямо под ноги прохожим, ещё одна месила в ступке что-то очень пахучее и, перекрикивая бегающих детей, говорила с соседкой. Мужчин не было, лишь старый и подслеповатый дед разбирал сети, вытягивая из крупных ячеек большую лупоглазую рыбу.

– Пошла, – пихнул замершую меня в спину Ильшат, поторапливая. Мы давно спешили, стоило нам только проехать небольшую гряду нагромождённых камней. И ведя на поводу лошадей, пробирались по узким улочкам селенья. Радует, что идти было не слишком долго, и уже через тридцать минут мы вошли во двор, полностью крытый доской, пряча нутро от жаркого солнца.

– Ильшат? – удивлённо воскликнул невысокий, полноватый мужчина, выкатившись из дома, – какими судьбами,

проходи, а этих сейчас Юсим уведёт и напоит.

– Мерген, девушку я для наместника привёз, распорядись запереть её.

– Непослушная? – Цокнул мужчина, изучающе меня осмотрев, – красива, может и возьмёт, но почему одна?

– Остальные недостойны быть в гареме наместника, – важно ответил Ильшат, прикрывая свой позор красивыми словами, что я не выдержала и хмыкнула, но, видимо, слишком громко.

– Дерзкая, Юзиму понравится...

Продолжение я уже не услышала, хмурая женщина, больно вцепившись в мою руку, поволокла меня в дом. Но не пройдя и десяти шагов по нему, распахнув двери, толкнула в небольшую каморку с подстилкой на полу, горшком в углу и без единого окна.

– Воды сейчас принесу, через час тебя покормят, – буркнула женщина, прежде чем запереть дверь.

– Спасибо за гостеприимство, – с усмешкой бросила и растянулась на шерстяной подстилке, попыталась прислушаться, что творится в округе, но так ничего и не услышав, незаметно для себя забылась беспокойным сном.

Разбудил меня скрежет засова и тихий писклявый голосок девчушки лет десяти, в руках которой была пиала с чем-то жидким и чашка с кашей.

– Агабича приказала живе́й закончить и идти за мной.

– Хорошо, – кивнула забитой девушке, принялась есть

пресную кашу, проталкивая её в горло холодным травяным отваром. Через две минуты я уже управилась и, с трудом поднявшись с пола, проговорила, – веди.

И снова идти было недолго, завернув за угол, мы оказались в небольшой комнате с деревянными тазами вдоль стены и бочкой с водой.

– Хм... я так понимаю, мне нужно помыться, привести товар в соответствующий вид? – ухмыльнулась я, осматриваясь. Неровные каменные стены, небольшое окно выходит в глухой двор, значит, сбежать снова не получится.

– Да, Агабича приказала помочь и показать, как верно сделать.

– Ну, показывай.

Вода была прохладной, но я всё равно с удовольствием вымылась. За время пути всё, что мне удавалось, это умыться лицо, руки и обтереть тело влажной тряпкой, скрываясь за пологом, натянутым между двумя лошадьми.

Здесь же вместо мыла мне дали щёлок, приятно пахнувший травами, а волосы трижды сполоснули подкислённой водой. Бута, чьё имя означает обуза, помогла мне сполоснуться, а после, когда мы вернулись в выделенную для меня коморку, больше часа расчёсывала мои волосы.

– Красивые и мягкие, словно шёлк у господина на халате, в котором он встречает важных гостей.

– У тебя тоже красивые, чёрные как ночь, – произнесла, так и не открыв глаза, наслаждаясь нежными касаниями ру-

чек Буты.

– Такие у всех есть...

– Идём! – визгливый женский голос прервал маленькую девочку, разрушая тишину и долгожданное умиротворение.

– Похоже, это за мной, – хмыкнула я, поднимаясь, и поправила на себе кусок ткани, в которую меня укутали после мойки, – Бута, приятно было познакомиться.

Меня привели в большое по меркам тех, что я уже увидела, помещение, стены и пол которого были обиты и выложены пушистыми коврами так, что даже крохотного кусочка камня не было видно. Горы подушек вдоль стен были разложены в странном порядке, на них и разместились полулёжа Мерген, Ильшат и ещё один незнакомый мужчина, который, стоило мне войти, уставился пронизывающим взглядом, от которого по моей спине пробежал неприятный холодок.

– Как? – довольно улыбнулся Мерген, заметив во взгляде мужчины удовлетворение.

– Тридцать.

– За прекрасный цветок? Сто.

– Это ещё колючка пустыни, а не цветок – сорок.

За дальнейшим торгом я уже не следила, с брезгливостью смотрела на трёх мужчин, лежавших на подушках, потягивающих что-то из кубков, и понимала, что лучше смерть, чем такая жизнь.

Только спустя час, когда ноги уже не держали, мужчины наконец сторговались. За сколько меня продали, я не зна-

ла, да было и неинтересно. Какая разница, всё равно я или сбегу, или... лучше пока не думать об этом.

Незнакомец, на удивление шустро для своей комплекции вскочив с подушек, взял меня за руку и вывел на улицу, где нас уже поджидали носилки, крытые тканью для защиты от солнца.

– Мне сказали, что ты знаешь наш язык, – тихо, но требовательно произнёс мужчина, сжав пальцами подбородок, повернул мою голову к себе и внимательно осмотрел, – скажи.

– Пошёл ты!

– Строптивая, – довольно рассмеялся мужчина, приказав рабам двигаться.

Глава 14

– Ильшат говорил, привёз тебя издалека, – продолжил беседу мужчина, – говорил, там все девушки такие, но ты особенная.

– Не все, – спешно ответила, опасаясь, как бы в Ручейки опять не наведались за новыми гуриями.

– Говорил, язык знаешь... не верил ему, – усмехнулся толстячок, – теперь ему позволят с наместником встретиться, подарок такой сделал, добился расположения господина.

– Значит, он вёз меня столько времени из-за благосклонности наместника? Зачем? – не выдержала я, с недоумением взглянув на мужчину.

– Как же, ближе к наместнику и сыто, и богато. Скоро набег, а там можно и место хорошее занять: тем, кто первым в город вступит, всегда больше богатств достаётся.

– Хм... дальновидный, – со злой усмешкой бросила, – А те монеты кому?

– Менгеру, конечно, он же тебя продал, – хмыкнул он, забавляясь моей глупостью.

– Бред какой-то, – простонала, опрокинув голову к себе на руки.

– Где язык учила? В рабынях ребёнком была? – вдруг требовательно спросил мужчина, больно стиснув мою ладонь.

– Нет! Мама учила, – солгала, выдержнув свою руку, я бросила яростный взгляд на сумасшедшего.

– Значит, выкупленная была мать и умная, раз научила высшему знанию свою дочь, готовила тебя, – с удовлетворением протянул он, откинулся спиной на подушку и больше ни слова не произнёс, что несказанно меня радовало.

Добирались до места, казалось, вечно. В закрытых носилках было нестерпимо душно, от толстяка пахло потом, чем-то кислым и благовониями так, что уже через час у меня разболелась голова. От мерного покачивания тошнило, и чтобы хоть как-то прийти в себя, я пыталась вслушиваться в шелест волн, но громкий храп спящего мужчины не давал это сделать. Попытка сбежать не удалась, выглянув за палантин, я едва не ткнулась носом в охрану, грозный мужчина в два раза шире и выше Ильшата сопровождал нас и, думается мне, что был не один. Выругавшись про себя, я ещё какое-то время поглядывала на проплывающие мимо невысокие каменные заборы, зелёные кусты с ярко-красными цветами, зарослями ежевики и вьющимся виноградом по деревянным жердям. Но похотливый, блуждающий по моему лицу и шее взгляд охраны загнал меня назад в носилки.

– Кхм... прибыли, – прокашлявшись, сообщил проснувшийся толстяк, неведомо как определив сквозь закрытые занавески и продолжающийся медленный ход рабов, что наш выматывающий путь наконец завершился.

Но, действительно, уже через минуту носилки останови-

лись, плавно опустились на землю, и мужчина принялся выбираться из них, судорожно дыша и кряхтя, заваливаясь то в одну, то в другую сторону.

– Идём, я отведу тебя в сераль, там тебя осмотрят, – пробормотал он, дёрнув меня за руку, чуть ли не волоком потащил к зданию.

Каменный дом был непохож на дворец султана, но тем не менее он был большим, светлым, с красивыми фресками над окнами и дверью. Зайдя во внутренний двор, нас сразу окатило прохладой и снова благовониями, которыми, казалось, было пропитано всё вокруг. В небольшом дворике росло много красивых цветов, маленькие кустики, высаженные вдоль забора, радовали взгляд своей сочной зеленью и яркостью бутонов. Мощённый камнем двор был начищен до блеска, в небольших углублениях ещё стояли лужицы, видно, совсем недавно его мыли.

– Калфа Сафие, уведи Акгюль в хамам, – распорядился мужчина, стоило нам войти в небольшое помещение, где царственной особой восседала женщина лет сорока, красивая, но её надменная улыбка портила всё.

– Белый цветок? – переспросила она, изумлённо вздёрнув бровь, – ага Башир, она темна лицом, зачем она здесь, разве у нашего господина мало невольниц?

«Да, да, скажи ему, пусть он меня выгонит» —мысленно обращалась к женщине, надеясь, что мне повезёт.

– Такой нет, – хмуро ответил ага, грозно насупив брови, –

и наряд подбери.

– Идём, Акгюль, – приказала калфа Сафие, поднимаясь с подушек, брезгливо меня осмотрев, – не один час придётся убирать растительность с твоего тела.

– Хм..., – промычала, не став ничего комментировать, ощущая наивысшую степень раздражения хмурой тётки. Не стоит нервировать лишний раз эту особу, зная, какими бывают мстительными и жестокими женщины.

Идти пришлось немало, петляя по узким коридорам, не единожды поворачивая то в одну сторону, то в другую, я была уверена, что сама точно не найду обратную дорогу, настолько эти коридоры были похожи.

– Заходи. Хандан! – почти беззвучно позвала калфа, но её услышали. Из одной из многочисленных дверей этого небольшого помещения выскочила девчушка лет пятнадцати и молча склонилась перед нами.

– Отмыть, убрать лишние волоски, – принялась раздавать приказы калфа Сафие, чуть помедлив, добавила, – попробуй отбелить черноту с её лица.

– Будет сделано, – прошептала девушка, ещё ниже склонившись.

– Иди! – толкнула меня в спину женщина, прежде чем покинуть комнату. И стоило калфе исчезнуть из помещения, как девушка тут же вскинула голову и изучающе на меня посмотрела.

– Хандан, служанка бань.

– Малуша, – оторопело ответила, находясь в шоке от столь резкой смены.

– Нет, как тебя назвал ага?

– Белый цветок, – пробормотала, не вспомнив своё новое очередное имя.

– Акгюль, – перевела Хандан, скривив рот, она неприязненно проговорила, – работы много, поспешим. Запоминай! В джамекян оставляешь одежду, после идёшь в пештемал смывать первую грязь.

Девушка, плавно покачивая бёдрами, шла передо мной, по дороге объясняя, где что находится и как этим пользоваться. И ни разу не оглянулась, чтобы удостовериться, иду ли я за ней.

– Прежде чем зайти в комнаты, обязательно укутайся в чистую простыню и надень налины, – проговорила Хандан, помогая накрутить кусок светлой ткани вокруг меня, прикрывая ей тело от груди до колена.

– Налины? – переспросила, с удивлением рассматривая высокую деревянную обувь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.